

Алёна Цветкова

16+

The illustration depicts a woman with long, flowing red hair, wearing a long, dark blue dress. She is standing on a stone path that winds through a forest. In the background, there is a castle with a flag flying from a tower. The sky is a mix of orange and purple, suggesting a sunset or sunrise. The woman is looking to the right, with her hand raised slightly as if in a gesture of magic or contemplation.

Пути-дороги.
С чистого листа

Алёна Цветкова

Пути-дороги. С чистого листа

«Автор»

2021

Цветкова А.

Пути-дороги. С чистого листа / А. Цветкова — «Автор», 2021

Я не помню, кто я. Я не помню, как меня зовут. Меня нашли на обочине дороги, дали чужое имя, пустой дом и больного деда. Мне пришлось начать жизнь с чистого листа среди людей, которые считают меня своей. Но я уверена, раньше мой мир был немного другим. А еще... я даже не догадываюсь, как мне повезло все забыть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алёна Цветкова

Пути-дороги. С чистого листа

Глава 1

Последнее... или уже первое, что я помню в своей жизни – это темные, холодные воды сомкнувшиеся над моей головой. Помню панику... попытки выплыть... помню, как закончился воздух в груди... и как вместо воздуха в легкие хлынула вода.. а еще я помню, как поняла, что умираю...

– Дин, тило! О ай ли тена лена?! Уа ле лава! (**Дин, смотри! Ты видишь, вон там девушка?! Она совсем без одежды!**)

Чей-то голос потревожил меня в небытие, заставляя очнуться. Я открыла глаза. Над мной стояла на коленях круглолицая женщина в белом платке:

– О ае ой? О фае эит со ой? (**Ты кто? Ты откуда?**)

Она смотрела прямо на меня, спрашивала о чем-то именно меня.

Что, вообще, происходит? Где я? Я же только что, мгновение назад, барахталась в воде, пытаюсь выплыть. А сейчас лежу в пыли на какой-то дороге на опушке леса... неужели меня вытащили и бросили, решив, что я умерла? Попыталась встать, но тело не слушалось, оно ощущалось как тяжелое и какое-то чужое... как будто бы я отлежала его целиком.

– О ае ой? О фае эит со ой? (**Ты кто? Ты откуда?**) – снова повторила женщина.

Я не понимала о чем она говорит. Ни слова. Странно. Если меня вытащили из воды и бросили на берегу, то я должна понимать то, что говорит мне эта женщина...

– Пипец, – прошептала я, – и куда я опять попала?

– Пиапа?! Икудая опа пиапалла?! (**Наложница? Из гарема султана?**) – удивленно переспросила женщина, и вдруг охнула и прижала ладони к щекам. А в ее глазах промелькнуло какая-то гадливость, словно она увидела что-то очень неприятное...

Она уже начала подниматься с колен, оставляя меня валяться в грязи на обочине дороги, как вдруг в ее глазах мелькнуло понимание. Она снова охнула и упала на колени, бесцеремонно разворачивая меня за плечо. И ткнула пальце в большую, в форме луковицы родинку на спине, которую я так и не вывела...

– Дин! – закричала она, повернувшись к кому-то, – О ле тама тиена ае ле туа лене! Манато на гаоа и ле тели тусагае уа мавае! (**Дин! Ты посмотри, девушка, кажется, из нашей деревни! Помнишь, лет пятнадцать назад у нас девочек украли?**)

– Э ле мафи! – раздался удивленный мужской голос, – Е татуа она уо аве о ие ле ну! (**Не может быть! Тогда надо отвезти ее домой!**)

– Иое (**Да,**), – закивала женщина, соглашаясь с тем, что сказал невидимый мужчина.

– Иое, – повторила я... не знаю, что они задумали, но, надеюсь, что-то хорошее...

– Иое, – рассмеялась женщина и куда-то исчезла.

Но я едва успела оглядеться, как она вернулась с большим, но довольно грубым полотном. Расстелила его прямо на землю, перекатила мое тело, которое от каждого прикосновения взрывалось такой болью, что я невольно застонала...

– Леа се меа, – женщина рассмеялась, – е лели! Она мафи ае леа она е алу... (**Вот так. Ну, ничего, теперь все будет хорошо. Если больно, значит у тебя хватило сил сбежать целиком**)

Ничего не понимаю... Когда женщина замотала меня в полотно, к ней подошел огромный в два раза больше нас обоих мужчина, легко поднял меня на руки и куда-то понес. Каждый его шаг отзывался такой пронзительной болью в просыпающемся теле, что я прикусила губу, чтобы

не стонать слишком громко. А вот слезы сдержать не могла. И они хлынули из глаз застилая все вокруг непрозрачной пеленой.

– Е лели, – прогудел глубоким басом силач, несший меня, как пушинку, – Она мафи ае леа она е алу... *(*Ну, ничего, теперь все будет хорошо. Если больно, значит у тебя хватило сил сбежать целиком)*

Ничего не понимаю... Но кажется, эти незнакомые люди, хотят мне помочь...

Мужчина опустил меня в простую деревенскую телегу, на охапку свежескошенной травы, которая одуряюще вкусно пахла сладкой зеленью. Женщина села рядом, поддерживая мое безвольное болящее тело.

– Лели, ма ле Атуа. Алу! *(*Ну, с Богом. Поехали!)* – мужчина влез в телегу и прищелкнув языком, стегнул лошадей вожжами. Телега, дребезжа и подпрыгивая на каждой кочке, тронулась с места.

Если я сначала и думала о том, что нужно оглядеться вокруг и понять, куда это меня занесло, то сейчас все силы уходило на то, чтобы не орать от боли. Я попыталась позвать женщину, но она не понимала, я говорю, и на все вопросы и просьбы отвечала только одно:

– Иа е оносай. Мато те тауну ваве. *(*Потерпи немного. Скоро приедем.)*

Ехали мы долго. Боль измучила меня так, что я уже сдалась и мечтала скорее умереть, лишь бы избавиться от нее. Я уже почти потеряла сознание и тонула в густом кроваво-красном мареве бреда, не совсем понимая, где я и что происходит.

Я не заметила, как мы приехали к небольшой, но добротной избушке в гуще того самого леса, где меня нашли. Женщина спрыгнула с телеги и бегом помчалась в избу, голося что-то на своем тарабарском языке. А бледный и тревожно вглядывающийся в мое лицо мужчина, подхватил меня на руки и понес вслед за женщиной.

– Фесосони! – умоляла женщина старуху, хозяйку этого дома, – О ле тине леа май ло мату ну. На сола есе миа куда я пиапалла. Ае ле алу есе ле тига. *(*Помоги! Это девушка из нашей деревни. Она сбежала из гарема султана, и чувствует свое тело. Но боль не проходит.)*

Старуха равнодушно посмотрела на умирающую меня и ответила грубым, каркающим голосом.

– Е ле осао ла мое, матуа май меа мамао. Ле маутиноа ре а мафаи она уо файя. *(*Не ваша она, очень издалека пришла. Не уверена, что справлюсь.)*

– Фесосони! Е таутала о иа и ла матоу гагана. О ле тоения ле леаи се иси. *(*Помоги! Она говорит на нашем языке. А у старика больше никого нет.)*

Старуха кивнула и махнула рукой, указывая на широкую деревянную лавку. Мужчина осторожно положил меня и отошел.

– Алу есе! – приказала она, – Пикина о ина теае. *(*Уходите! Заберете ее завтра.)*

Когда все ушли, она села рядом со мной и наклонилась, вглядываясь в мои глаза.

И в этот момент там, в обжигающе красном мареве боли, я увидела вдали проблеск холодного света. Как будто бы где-то далеко, с трудом пробиваясь сквозь туман, светил прожектор. Или скорее маяк... он мелькнул и вдруг исчез. Но я знала, что там меня ждет спасение, и изо всех сил рванула туда, где он был.

Я билась, боролась за свою жизнь так же, как тогда под водой. Но сейчас у меня получилось. Свет становился все ближе и ближе. Еще немного... чуть-чуть.. еще одни рывок... и я выплыла....

Боль исчезла, в то же мгновение сменившись приятной прохладой. Мышцы гудели от нечеловеческого напряжения. Я открыла глаза. Огляделась. Я лежала на твердой деревянной лавке в крошечной деревенской избушке. Большая беленая печь занимала половину жилой комнаты. По потолку все было завешано пучками трав, связками каких-то сушеных плодов причудливой формы... как будто бы избушка бабя Яги...

Мерно стучали капли в умывальнике, рядом с которым висело белое вышитое полотенце, пахло свежим хлебом и молоком... тепло, уютно. Но в доме никого не было.

Я осторожно попыталась сесть, выпутываясь из полотна, в которое меня завернула на дороге та женщина. Голова слегка кружилась... опустила босые ноги, и коснулась кончиками пальцев прохладных половиц из некрашенного дерева.

Внезапно дверь заскрипела, и в комнату вошла незнакомая старуха, старая, лет девяносто не меньше, она держала в руках ошипанную курицу. Я испуганно смотрела на нее, не зная что делать.

– Пришла в себя? – улыбнулась она беззубым ртом, – вот и славно. Ох, уж и глубоко тебя унесло. Думала, уже все, сгинет в безмирье бабка Ага вместе с тобой... а тебя как звать-то?

– Меня? – хрипый из-за сорванных связок голос звучал страшно и незнакомо. Я запнулась, и прошептала, чтобы не напрягать горло, – меня зовут... меня зовут...

Страх тонкой струйкой пробежал по позвоночнику вверх, удавкой обхватывая шею... Я металась в своей голове, пытаюсь найти хоть что-то из своего прошлого. Хотя бы имя. Но его не было. Как будто бы меня просто не существовало. Я отматывала события назад и понимала, что все заканчивается в тот самый миг, когда я тонула. А дальше... дальше ничего. Пустота...

– Я, – прошептала я, – не помню... Я не помню, как меня зовут... я ничего не помню!

Бабка понимающе кивнула и улыбнулась:

– Ну, и ничего, вспомнишь еще... Из Выселок ты, деревенька, тут недалече, за рекой. Небольшая, но люди не бедствуют. Хорошо живут. Дружно. Своих в беде не бросают. Лет пятнадцать назад когда взрослые все на покосе были, набрали на вашу деревеньку султановы таланги-охотники, да тебя и двух сестер твоих свели. Неизвестно куда их судьба раскидала. Никто не вернулся...

– Как меня зовут? И как я попала сюда? – эти два вопроса казались мне самыми важными.

– Лолаги тебя звать, из твоих-то один дед и остался. В тот год, когда свели вас, мать с горя руки на себя наложила. Отец на поиски ушел, да сгинул. Бабка в позапрошлом годе померла. А дед плох совсем. Уже сколько лет лежит, не встает.

Бабка Ага, плюхнув курицу на стол, ловко потрошила тушку, выворачивая окровавленные внутренности. В избу неслышно проскользнул угольно-черный кот, без единого пятнышка на шкурке, и, легко запрыгнув на печь, следил оттуда за бабкой. Или скорее за курицей.

– Лолаги, – повторила я свое имя. Но оно царапало язык, как будто бы было чужим, – мне кажется, меня зовут по-другому.

Бабка искоса бросила на меня взгляд и продолжила ковыряться во внутренностях бедной птицы.

– Ты, Лолаги, в гарем к султану попала. Наложницей. Мож тебя там иначе звали... Помнишь?

Я помотала головой. Не помню. Ничего. Совсем... только воду, и как я барахтаюсь, пытаюсь выплыть... Это я и сообщила бабке.

– Мож утопили тебя... не угодила, видать, султану.

– А почему я тогда здесь? Я же утонула...

– Ну, дак, – крякнула бабка, окуная выпотрошенную курицу в чашу с водой, чтобы смыть кровь, – магия, видать, в тебе проснулась. Вот тебя домой, во Флодолию, и выбросило... да сил маленько не хватило, чуть не пропала в безмирье-то... насилу тебя вытянула... там, видать, ты свою память и оставила. Бывает.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я бабку. Завернулась в полотно, которым меня укрыла сердобольная женщина-соседка и замерла, пытаюсь переварить то, что узнала о себе. И как-то все у меня не складывалось... не сходилось... вроде как не про меня все рассказано...

– Ты, Лолаги, запомни, что я тебе рассказала, – бабка, перестав улыбаться, пристально взглянула на меня, – а все другое, даже ежели память вернется, забудь. Нельзя тебе другое помнить, коли жить спокойно хочешь... и что я тебе сейчас сказала забудь. Поняла?

– Поняла, – кивнула я, чувствуя холодок в глубине души. Бабка знает намного больше, чем говорит. И если она говорит, что нужно молчать... ну, значит буду... пока не разберусь что здесь к чему, – меня зовут Лолаги и я была наложницей в гареме у султана.

– Вот и славно, – улыбнулась бабка, – я же говорила, что вспомнишь все потихоньку. А про то, что в гареме было никому не говори, не пристало о таком рассказывать...

– Хорошо, – понимающе кивнула я. Жирный намек. Не дура. – Спасибо, бабка Ага...

– Да, что уж там, – махнула рукой бабка, – все под одним Небом ходим... Я тебе на лавку в ногах рубаху положила. Надевай... сейчас куру сварю. Обедать будем. Ваши-то за тобой только к вечеру приедут...

Я надела старую, штопанную льняную рубаху длиной до пят с широкой горловиной, которую нужно было затянуть завязками, и осторожно встала. Голова слегка кружилась. Держась за стены осторожно пошла к выходу.

– На задах яма-то! – догнал меня крик бабки. Ну, да, нетрудно догадаться, зачем я пошла на улицу, – и лапти надень. На крыльце висят. Ноги-то у тебя нежные, не сможешь босая ходить.

На столбике крыльца, перекинутые через перила, на самом деле висели лапти. И две тонкие тряпочки, которые, вероятно, полагалось надевать вместо портянок. Но я не умела... плюнула, натянула лапти на голые ноги и неловко перевязала их. Я все сделала неправильно, потому что через пару шагов по утоптанной земляной тропинке, вся конструкция стала спадать, и мне пришлось шаркать ногами, чтобы обувь не свалилась.

В маленьком закутке, сбитом из старых досок было темно. Я машинально пошарила ладонью по стене, сама не зная, что хочу там найти... Наверное, это движение из моей прошлой жизни, догадалась я, из той самой, которую нужно забыть.

Я сразу догадалась к чему ведет бабка Ага. Кажется, никакая я не... как там ее... Лолаги... просто очень похожа. И родинка, в которую тыкала пальцем женщина соседка. Вот в чем дело! Это просто совпадение. Но кто тогда я?!

Я немного постояла на крыльце перед тем как вернуться в дом. Смотрела вокруг и понимала: все это мне вполне знакомо. Низенький колодец с журавлем, точно такой же я уже видела когда-то. Вот две молодые березки, там тонкая рябина, на которой весело чирикают воробьи и синицы. А куст, возле лавочки, очень похож на сирень, я мгновенно вспомнила ее терпкий запах. И эти мелкие цветочки, растущие вдоль дорожки, – клевер. Где-то за огородом мычала корова, вокруг деловито копошились куры, жужжали пчелы, шумел вокруг лес, пахло свежей зеленью и деревней.

Все это казалось мне родным и близким. В отличие от имени... Лолаги... Лола... Ну, ничего, как говорила бабка Ага, привыкну. Куда деваться-то?

Глава 2

В избе бабка крошила овощи. Чугунок с курицей стоял на печи и слегка парил. Странно, печь-то не топилась. Я даже подошла и потрогала белый каменный бок. Холодный.

– Бабка Ага, а чего это у тебя вода кипит? Печь-то не топлена...

– Дак, магия, – равнодушно ответила она, – горячий камень у меня там. Неужто не видела раньше?

– Нет, – мотнула я неосторожно головой и схватилась за печку, чтобы не упасть. Вот же пакость! – магия – это же сказки...

– Кому сказки, а кому и быль, – рассмеялась бабка, – ты, Лолаги, и сама магичкой была бы, если бы резерв не выжгла при бегстве из гарема вашего. Хотя мож и восстановится...

– А магия... она у всех есть?

– Нет, магия она везде, да только не каждый человек способен ее впитывать и использовать. А кто-то способности свои не развивает, очень уж трудное это дело, долгое, да расходное, не каждому по карману, – бабка вздохнула, вытерла руки об фартук, – давай-ка я тебе молока налью, садись за стол. А то пока кура свариться, загнешься еще...

Холодное молоко со свежим хлебом.. ммм... Я сама не заметила, как все проглотила.

– Вкусно, – вытерла я усы, – бабка Ага, а если мне имя сократить? Очень уж звучит непривычно. А вот Лола – нормально, – смахнула я крошки в ладонь и огляделась в поисках мусорного ведра.

– Вон туда брось, – кивнула бабка Ага на щербатый чугунок в углу кухни, внимательно следя за моими передвижениями, – курам потом дам. А имя твое как Лаги сокращается, Лола слишком не по-нашенски выходит.

Я стряхнула крошки в чугунок, ополоснула тяжелую глиняную кружку под умывальником и аккуратно поставила на полку напротив стола.

– Ла-ги, – повторила по слогам и поморщилась, – ужасно... звучит как будто бы кто-то крышу крыть собрался... нет, уж. Зови меня Лолой.

– Ну, дак, – рассмеялась бабка, – Лола, так Лола. Привыкнем.

Бабка ссыпала овощи в чугунок к курице и помешала варево деревянным половником.

– Ну, все, еще чутка и обедать будем. Ты садись, отдыхай, – кивнула она на скамью, на которой я пришла в себя, – а я в огород пойду.

– Я с тобой, – вскочила я и тут же чуть не грохнулась на пол. Перед глазами все поплыло, пространство закачалось, и я вцепилась в столешницу.

– Шустра больно, – фыркнула бабка, – после такого расхода сил тебе еще пару часов лежать придется.

Но лежать в избе мне не хотелось, и захватив полотно, в котором меня принесли, я выползла во двор. На травку. Разложила тряпку и стянув бабкину рубаху, легла в тени берез. Позагораю... все с пользой время пройдет.

А пока лежала думала. Я не помню свое прошлое. Не помню как меня зовут, кто мои родители, чем я занималась... я даже не помню сколько мне лет... И это чертовски неприятно.

Я тонула, а потом оказалась лежащей на дороге в одном купальнике. Если принять во внимание слова бабки Аги, получается, когда я умирала, проснувшись магия перенесла меня из воды сюда. То, что я была в одном купальнике, подтверждало эту теорию.

Кроме купальника у меня из прошлого почти ничего не было. Только на шее висела короткая цепочка с небольшим кулончиком в виде капельки. И в ушах были такие же капли-гвоздики. Когда я взяла цепочку в руки, в моей голове всплыло, что она золотая. Интересно, а здесь золото ценится так же как там, где я жила до этого?

А еще я решила, что мне повезло... по-крайней мере, так кажется на первый взгляд. Меня приняли за другого человека, и теперь у меня есть имя, примерный возраст и, кажется, даже дед... Надеюсь, он не догадается, что я не настоящая Лолаги... Тьфу... какое ужасное имя! Мне и Лола не нравится, но оно хотя бы звучит более-менее.

– Лола, – окликнула меня бабка, – идем обедать!

Кажется, я так и заснула под свои размышления.

Ароматные щи из свежих овощей, настоявшиеся на горячем камне, и приправленные моим голодом были вкусные. Я вылебала огромную тарелку и только потом поняла, что наелась.

– Оголодала, – улыбнулась бабка, – оно и неудивительно. Очень уж издалека тебе пришлось добираться. Ты, Лола, ежели что непонятно будет, ко мне прибегай. У остальных лишнего не спрашивай. Тебе сейчас тише воды, ниже травы надо быть. Учись с хозяйством управляться, живи, привыкай. И мужчин, смотри, не привечай. Иначе ославят тебя так, что свет не мил станет. А как обвыкнешь, сама поймешь, чего дальше в жизни тебе хочется. Дороги тебя впереди ждут разные. Какую выберешь, по той и пойдешь. Так жизнь и закончишь. Очень редко бывает, Лола, чтоб кому такой выбор судьба давала. Смотри, непусти свой шанс.

– Хорошо. Спасибо за совет, бабка Ага, – кивнула я и улыбнулась. Живы будем – не умрем.

Чувствовала я себя довольно хорошо, и решила не ждать, когда за мной приедут соседи, отправиться домой пешком. Осмотрюсь заодно...

Бабка Ага отдала мне свою старую синюю юбку с вышитыми белой нитью узорами по подолу, выцветший красный платок и когда-то белый фартук с серым пятном на животе.

Без платка и фартука деревенским женщинам ходить вроде как не принято, хотя и не запрещено. А я не отказывалась. У меня сейчас ничего нет. Так что даже старый платок и фартук пригодятся. Хоть на тряпки. Кто еще знает, как дед меня примет.

Еще бабка вручила мне крошечный кожаный мешочек:

– Ты, Лола, украшения-то спрячь, да на шею повяжи, чтоб не потерять... Слишком дорогие они для деревни-то. А если супружница Динова спросит, куда дела, скажи, что мне отдала. В оплату за помощь. Поняла?

Я кивнула. И сняв цепочку и гвоздики спрятала их на груди от глаз людских. На самом деле, зачем народ провоцировать... меньше видят, крепче спят...

Лапти я надевала под бдительным взором бабки Аги. Со второго раза получилось прилично завернуть ногу в портянку. Не так-то и сложно это, оказывается. Потопала ногами, чтобы проверить, хорошо ли держат оборы. Так веревочки, которыми лапти к ноге привязываются, называются.

И отправилась в путь.

От дома бабки Аги до деревни вело две дороги. Одна длинная, по тракту, по мосту, по которой меня сюда и привезли, и вторая короткая, через брод, по которой деревенские женщины тайком бегали к знахарке за зельями.

Я, конечно же, выбрала короткую. Через лес. Бабка Ага мне еще корзинку вручила с половинкой каравая и крынкой молока. И пошла я по тропинке, по сторонам глядя, песенки под нос напевая. Вот ведь обидно, песенки помню, а имя – нет.

И ведь все вокруг знакомое... как дома. Где бы этот дом ни был. Все деревья привычные. Осинки, березки... лесок от дома бабки Аги до реки светлый, почти прозрачный. Кое-где между деревьями заросли малины попадались. Только-только отцвели, ягоды еще и не видно. Самое начало лета получается.

Небо голубое над головой виднелось, солнце сквозь кроны светило, облака белые плыли. Птички щебетали, пчелки жужжали, цветами полевыми пахло... ляпота-а... А вон в двух шагах от тропинки смолка клейкая выросла. Сон-травой ее еще называют. Цветочки красно-фиоле-

товые, яркие, красивые. Самое время для сбора. Травы-то здесь явно бабка Ага сама собирает, нехорошо будет, если я делянку чужую обнесу. Но пару стебельков все же сломала. Пригодиться. Вдруг дед мне достанется буйный? Заварю ему травки, пусть весь день спит спокойно.

Только вылезла обратно на тропинку, как орет кто-то мужским голосом:

– Стой!

Вот и местный житель пожаловал, вздохнула я. Стою... а то вдруг у них тут за пару кустиков сон-травы принято в спину стрелять... вот странная у меня память. Разная ерунда хорошо вспоминается, а что нужно – как водой смыло.

А мужчина догнал меня, обошел, тропинку перегораживая, и спрашивает:

– Ты кто такая?

Хороший вопрос. В яблочко прямо. А мужчина-то ого-го. Кость крепкая, широкая, кулаки огромные, с мою голову, шея как у быка, а плечи, наверное, в дверь не лезут. Лысый только и бородатый. Терпеть не могу бритых мужчин с бородой. Фу! Даже глаза, как небо синие, ситуацию не спасают.

– А ты кто такой? – не осталась я в долгу. Ножку вперед выставила, плечико выдвинула... не для красоты, а чтоб сбежать удобнее было.

– Я волк! – ответил мужик. Я сначала ушам своим не поверила:

– Кто?!

– Я волк! – повторил он, – а ты кто?

А что я еще могла ответить? Сказку вспомнила внезапно. И платочек свой красный.

– Тогда я Красная шапочка, к деду иду, несу ему хлеба и молока крынку, – расхохоталась.

– Красная шапочка? – не понял юмора мужчина, и сердито нахмурился, – ты же Лолаги?

– Верно, а ты кто? – веселилась я.

– Я же сказал уже, – недовольно зарычал мужчина, – я волк!

– Ну, ладно, – примирительно улыбнулась, – волк, так волк... ты чего хотел-то, волк?

– Не волк, а Яволк! Имя у меня такое, – Кажется, он готов был меня загрызть. – Я за тобой приехал. Пошли, домой отвезу.

Ой, вот и карета моя пожаловала. Не дождалась соседи вечера, считай сразу после обеда примчались. И это хорошо. А то вдруг дед меня не признает, я хотя бы переночевать к бабке Аге вернуться смогу.

Ехали мы молча. Невысокая лошадка невнятной серой масти без понуканий тащила телегу куда нужно, изредка обмахиваясь хвостом. Я думала о том, что меня ждет в деревне, а Яволк злился.

По длинной дороге до деревни было километров пять. Сидеть просто так мне было скучно, ползли мы со скоростью улитки, возницу разговорить не удавалось, так что я иногда прыгивала с возка и, под бдительным присмотром угрюмого Яволка, не сводившего с меня глаз, топала рядом, мурлыча под нос какую-то знакомую мелодию. И смотрела по сторонам примечая, что здесь на полянках полным-полно листьев земляники. Значит позже можно будет наведаться за ягодами. А вон там, кажется, дикая лещина... надо будет посмотреть потом есть ли орехи. Заросли ежевики, кусты смородины... я старалась запомнить все. Раз мне теперь здесь жить, хотя бы пока не вспомню кто я такая и откуда, то надо заранее приметить места, куда за лесными дарами идти.

Когда мы доехали до деревеньки, Яволк молча остановил телегу у крайнего дома, молча же слез, взял мою корзинку и поставил на старенькую лавочку у плетня.

– Э-эй, ты чего? Ты хотя бы скажи, где дед-то мой живет? – попыталась я до него достучаться, но он, не говоря ни слова, хлестнул лошадь вожжами и уехал, оставив меня стоять столбом у ворот.

Вот так кино! И что мне теперь делать-то? Я потопталась у дороги... взяла корзинку... куда идти-то? И как назло никого вокруг нет, не спросишь...

Откуда-то из-за кустов раздалось шебуршание и детский смех. Ну, да, конечно! Чтобы дети да упустили какую-нибудь новость! Они-то точно знают кто я, и где теперь мой дом.

– Здорово, ребяшня, – громко заговорила я, – меня зовут Лола. И я знаю интересную сказку про волка и красную шапочку. Хотите послушать?

Шуршание усилилось, а потом звонкий мальчишеский голос заявил:

– Ты не Лола, ты Лолаги... я слышал, как вчера староста Динай говорил деду Лишке, что нашли тебя на дороге.

– А сказку хотим, – пискнул тоненький девчоночий голосок, – только, если не страшно... я не люблю страшные сказки.

– Нестрашные сказки не интересные, – возразил ей другой мальчишеский голос, на слух, папан был младше первого, но старше девочки.

– Ого! – рассмеялась я, – сколько же вас там? Неужели со всей деревни ребяшня собралась меня встречать?

– Нет, – самый старший мальчик, начавший разговор, встал, выглянув из-за плетня, – только мы здесь. Больше нет никого.

– Остальные бояться сюда приходить, – рядом появилась голова мальчишки пониже...

– Тетя Лолаги, – белая макушка с короткой косичкой едва была заметна за невысоким плетнем, девочка едва ли видела меня из-за забора, – нас мамка отправила тебя встречать. Сказала, чтобы мы тебя к деду Лишке отвели. А мальчишки, – сдала она братьев, – хотели посмотреть, какая ты... а ты обычная.

– Не обычная, – не унимался средний мальчишка, внимательно меня разглядывая, – она красивая. Почти, как мама.

А старший перепрыгнул через плетень и, взяв мою корзинку, открыл ворота, возле которых мы и стояли:

– Идем, тетя Лолаги, дед Лишка тебя уже со вчерашнего вечера ждет. Даже мамке вчера говорил, чтоб бабки Агиного зелья накапала. Боялся, что не уснет, так ждать будет...

– Идемте, – согласилась я, – только зовите меня тетя Лола... мы же соседи...

Брат и сестра тоже вылезли из-за кустов и встали рядом. Все трое ребятишек были одинаково голубоглазые, с выцветшими до белизны волосами и ресницами и облупленными носами. Босые, младшие в одних только штопанных рубахах, старший в коротких штанах на одной ляжке. Старые, застиранные одежды тем не менее выглядели чистыми и опрятными. Небогато живут мои соседи, однако...

Когда я входила в свой новый дом, сердце колотилось, как бешеное. Как меня примет дед? Признает ли? А-то вдруг выгонит? А вдруг он сам неадекватный? Или дома такой ужас, что я сбегу в ту же секунду... все же одинокий лежачий больной... там запахок, наверное, тот еще.

Но все прошло хорошо. Дома было чистенько, видно что убираются регулярно. Никаких лишних запахов, только легкий аромат полынной горечи.

Дед полулежал в постели и, как только шумная стайка ребятишек по-хозяйски ворвалась в дом, в три голоса крича, что они привели Лолаги, зашмыгал носом от избытка эмоций. Я осторожно присела на кровать и протянула ему руку, а потом и обняла... я вдруг почувствовала, что этот старик так же одинок в своем горе, как и беспамятная я в своей жизни. И возможно мы сможем стать друг для друга опорой. А дед прижимался ко мне и со слезами рассказывал печальную историю семьи, которую мне уже поведала бабка Ага...

Глава 3

Детвора, выполнив материно поручение, убежала по своим делам, и мы с дедом остались одни. Он уже немного успокоился, но все так же слабо сжимал мою руку, словно боясь отпустить. Правая рука у него действовала неплохо, а вот левая еле шевелилась. Ног он не чувствовал совсем, да и тело ниже плеч почти не подчинялось.

И тут в тишине я услышала, как запел желудок моего нового родственника.

– Дед, – встрепелась я, – да ты же голоден. Давай я тебя накормлю, мне бабка Ага молока дала и хлеба.

Я хотела встать с кровати, но дед удержал меня за руку:

– Не надо, Лолаги... оставь себе... меня Аништа, мать пострелят белобрыхых, подкармливает... скоро уж принесет повечерять...

– Э-нет, дед, – я строго нахмурила брови, – до вечера еще почти полдня, не дело голодным сидеть. А молока там и тебе, и мне хватит. Где у тебя кружки, давай я налью... и зови меня Лола...

– Дак, нет, Лолаг... Лола, кружки, – дед отвернулся, – вынесли все... меня сначала вся деревня кормила. Пока было, что в обмен забрать. А теперь вот, только Аништа...

– Ну, ничего себе, – я аж присвистнула от удивления, как-то не по-человечески это, – а бабка Ага говорила, мол, люди в Выселках добрые, дружные и дед твой, Лола, как сыр в масле катается... Врала, значит...

– Да, нет... не врала... не бросили меня, и на том спасибо...

Кружку мне принесли соседские ребяташки. Пришлось выйти на крыльцо и покричать во все горло, мимоходом отметив, что голос как-то очень быстро вернулся, созывая пострелят. Глиняная, старая и шербатая, она тем не менее исправно держала в себе молоко, несмотря на огромную трещину, проходившую через все донышко. Пока дед, обедал, я осмотрела, что же мне досталось вместе с моей внезапно появившейся семьей...

Изба у деда была совсем небольшая, но справная. Крыша из камыша не протекала, в щели между бревнами не дуло. Дед сказал, что бабка всего за несколько дней до смерти созывала односельчан на помощь, чтобы перекрыть крышу, так что еще на год-два ее хватит.

Одна комнатка с двумя деревянными кроватями, одна даже без постели, и полати под потолком для всей остальной семьи; большой и совершенно пустой сундук, на котором стоял битый глиняный горшок с букетом полевых цветов, их принесла девочка-соседка; давно не белёная печь, занимавшая почти полдома, и крошечная кухонка с пустыми пыльными полками вдоль стен, узкими лавками и обеденным столом прямо напротив входной двери – вот и вся обстановка. Небогато, но жить можно.

А еще у меня было смутное ощущение, что чего-то в доме не хватает... мой взгляд то и дело касался переднего угла в избе, но там ничего не было. Угол, как угол... как и все остальные в этой бревенчатой избушке.

Вход в дом проходил через маленькие сени с крошечным теплым чуланчиком, в котором углом стояли два таких же больших сундука, как и в комнате. И эти сундуки тоже были девственно пусты, только в углу одного скорбно лежал высохший трупик умершей с голоду мыши... м-да... совсем небогато... хотя, судя по объему и количеству сундуков, наличию железных, а не ременных, петель на их крышках, были времена, когда этот дом был полной чашей... Но сейчас мне придется начинать с нуля... я вздохнула и пошла смотреть дальше.

Во дворе я нашла навес, который использовался скорее всего как летняя кухня, потому что посреди был сложен очаг, теплый и сухой сарай с тремя клетушками, амбар, в котором когда-то хранили зерно, но сейчас там лежала только пыль, птичник, его я узнала по насестам сделанным вдоль одной из стен, и довольно большой огород, заросший бурьяном...

Но кроме самих строений, ничего не было. Ни лопат, ни грабель, ни ведер... мне даже воды из колодца, который оказался в огороде один на две семьи, не принести, чтобы помыть полы в избе...

– Лолаги! – отвлек меня от совсем невеселых размышлений знакомый женский голос. Я вылезла из чулана, возле ворот, во дворе стояла та самая женщина, которая нашла меня на дороге, – Лолаги! – заорала она снова, вероятно, не заметив мою голову в выцветшем красном платке.

– Доброго дня, – крикнула я доброжелательно, желая поблагодарить тетку за спасение. Но она равнодушно, одними губами улыбнулась в ответ и, кивнув на выход, позвала:

– Пойдем...

Рассудив, что вряд ли меня спасли, чтобы причинить вред, я пошла за теткой.

Дом моего деда стоял на краю деревни со стороны дороги. Если бы я шла пешком, то пришлось бы идти через все поселение, но сейчас я впервые шагала по деревне, с любопытством глядя вокруг. Деревенька оказалась довольно небольшая по моим меркам, домов двадцать. И не богатая. Большинство домов ничем не отличались от нашего и соседского. Но все дома, и наши в том числе, снаружи были обильно украшены деревянным резным кружевом, и походили на музей под открытым небом, на шедевры деревянного зодчества, но никак не на дома в обычной глухой деревни.

А вот дом старосты, именно туда меня привели, вообще, был двухэтажный, да еще и, похоже, с жилой мансардой...

Но во двор мы не зашли. Старостиха, она так и не представилась, повела меня в огород, с бесконечно длинными грядками, на которых уже вовсю росли и лук, и чеснок, и морковь...

– Вот, смотри, – она подвела меня к грядкам с луком, – ты будешь полоть. Вот эти ростки оставляешь, а все остальное выдергиваешь и складываешь на тропинку, – она ловко выщипала пучок сорняков и бросила на дорожку, – прополешь все, – махнула она рукой, обозначая три бесконечные грядки, – я дам тебе еды на ужин... У нас здесь не гарем, кормить тебя за... просто так никто не будет.

Добавила она и, прежде чем я смогла что-то возразить, опешив от подобной грубости, ушла, оставив меня в огороде одну.

Сначала я хотела плюнуть на все и уйти. Еще не хватало, чтобы я батрачила за еду. Но с другой стороны... а какой у меня вариант есть еще? Кушать-то хочется и желательно три раза в день, и не только мне, но и деду. Объесть соседку, у которой семеро по лавкам, я не могу... совесть не позволяет. И пока я не придумаю, как жить дальше... придется полоть проклятые старостихины грядки.

Я вздохнула и присела на корточки. В отличии от Лолаги, такая работа не была мне в новинку. Хотя я и не помнила, где и когда мне приходилось работать в огороде...

Дергая траву, я размышляла о том, что же делать дальше, как наладить свою жизнь.

Старостиха несколько раз приходила в огород и стояла надо мной, изображая из себя монумент «Старостиха в огороде наблюдает за нерадивыми работниками» и внимательно глядя, как я работаю. Но, так и не найдя к чему прицепится, так же молча уходила...

Закончила работу я уже к вечеру. Со стороны реки потянуло свежестью, небо над головой посерело, солнце готовилось закатиться за горизонт. Последние пару метров я полола уже на ощупь, потому что стрелки лука прятались за тенью своих собратьев, превращая аккуратную грядку в дремучий лес.

С облегчением выпрямив спину, окинула взглядом грядки и осталась довольна. Я молодец. Надеюсь, староста оценит мой труд по достоинству.

Вымыла руки в деревянной бочке. Вода, согретая дневным солнцем, была почти горячей по сравнению с вечерним воздухом. Ужасно болела спина, колени, руки, а желудок просто сводило от голода. Но зато я знала, что буду делать дальше и куда двигаться. Перспектива

провести всю жизнь на чужих огородах мне совсем не нравилась. Особенно, когда я увидела, чем собралась рассчитаться со мной хозяйка.

На крылечке, на крошечной старой холстине лежали краюха хлеба и пара вареных яиц. Этого и мне только на один зуб, особенно после такой тяжелой работы, а мне еще деда кормить! Я, значит, полдня горбатилась на ее грядках за еду, а она меня даже не накормила вдоволь?! Ну, уж нет! Я это так не оставлю! Я была возмущена до предела, понимая, что бессовестная старостиха надула меня, как маленького ребенка.

Не долго думая, я пинком открыла дверь в дом старосты и, пройдя через большие, просторные сени, вошла в горницу. Эксплуататоры нагло жрали мою кашу с мясом, заедая толстыми ломтями хлеба с ароматным салом и хрустя головками еще прошлогоднего лука. Увидев в дверях меня, замерли, перестав жевать. Старостиха открыла рот, вероятно, чтобы выпроводить меня восвояси, но не тут-то было.

Я решительно прошла к столу, по пути схватив с полки глубокую деревянную чашу, отпихнула Яволка от стола, и взяв его ложку, от души зачерпнула густой наваристой каши из глиняного горшка, стоящего посреди стола. Кажется, здесь ели по-старинке, по очереди из общего блюда, отметила мимоходом. Положив хорошую порцию каши, подхватила очищенную половинку луковицы, пару ломтей хлеба и несколько приличных кусков сала. И, все так же невозмутимо, пошла прочь.

– Миску верну завтра, – заявила я, выходя из избы.

Ошеломленные моим бесстыжим поведением, староста с семьей молчали, выпучив глаза и открыв рты от удивления. Хотя я боялась, что они догонят и отберут у меня еду...

Со двора старостихи я почти бежала, не забыв захватить выданную мне краюху и яйца. Как раз нам с дедом на завтрак...

– Лолаги?! – окликнула меня худая высокая женщина в пыльных одеждах, когда я почти добежала до дедова дома. Она шла мне навстречу, еле передвигая ноги от усталости. Я остановилась, но не подошла, замерев в двух шагах. – Это я, соседка Аништа, – представилась она, – дети сказали тебя старостиха забрала огород полоть... Хотела помочь тебе выбить из этой жадины достойную плату, – она улыбнулась, вероятно учуяв запах каши, – но вижу ты и сама справишься. Молодец! С ней только так и нужно. А то глазом моргнуть не успеешь, еще и должна останешься...

– Я так и поняла, – улыбнулась я, – спасибо, что присматривала за дедом.

– А как же иначе, – Аништа улыбнулась, – мы же соседи.

Обратно мы пошли вместе. Мне понравилась моя соседка, она не лезла с вопросами, не смотрела на меня свысока, как жадина-старостиха, она просто шла рядом, думая о чем-то своем. А когда мы дошли до нашего конца деревни, улыбнулась устало и сказала:

– Ты подожди здесь, я тебе сейчас хотя бы ложки вынесу. А то у вас и есть-то нечем...

– Аништа, – остановила я соседку, – а куда вся наша утварь делась? У деда даже кружки не осталось, мне сегодня детей твоих пришлось просить посуду принести...

– Да, – вздохнула соседка, – как бабка Далия померла, соседки начали таскать потихоньку, что плохо лежит. Ну, и староста все остатки себе и забрал. Сказал, что на сохранение...

– А на самом деле, – правильно поняла я многозначительно замолчавшую Аништу, – безвозвратно...

– Ну, да... Никто же и не надеялся, что ты вернешься.

Соседка ушла к себе, а я пошла кормить деда. Деду, видимо не часто удавалось наесться досыта, и я видела, как смаковал он каждую ложку каши, старательно подталкивая кусочки мяса на мою половину миски. Пришлось даже строго нахмуриться и приказать так не делать. Но это было бесполезно. Просто дед старался подловить момент, когда я не смотрю.

Не думаю, что Аништа обижала моего деда, не такой она человек, скорее всего она сама не ест досыта...

Когда поужинали, я помыла миску, которую намеревалась завтра отнести старосте. И будто бы невзначай завела разговор о соседях.

– А я Аништу встретила. Хорошая женщина, повезло нам с соседями...

– Повезло, – вздохнул дед, – если бы не она, не пережил бы я зиму, считай от своих детишек кусок отрывала, мне несла...

– Да, – покачала я головой, – троих деток прокормить трудно...

– Если бы троих, – улыбнулся дед, – семеро у нее... Двое старших вместе с ней батрачить по соседям ходят, третья дочка по хозяйству крутится, да за ребятей присматривает, троих ты видела, последний маленький совсем... по зиме родился.

– Ничего себе! – ахнула я удивленно. Семь детей это не фунт изюма. Их одеть-обуть-накормить нужно, – а муж-то у нее где?

– Да, здесь, в деревне... А все равно, что нет. На старосту батрачит, с петухами уходит, да затемно возвращается. У них в прошлом году корова померла, разродиться не смогла... А с ребяташками, да без коровы тяжело, вот и пошел Ванут в батраки. Староста обещал им телку этого года отдать, ежели тот лето отработает...

– Скуповат староста, – хмыкнула я, – за целое лето всего одна телка...

– Рачителен, – поправил меня дед, – это не такая уж плохая цена... вот жена у него известная жадина, хотя вон тебе за полдня работы миску каши отжалела...

– Э-э, нет, дед, – рассмеялась я, – это я сама себя пожалела. А старостихина забота вон на столе в тряпице лежит. Нам с тобой на завтрак...

Я рассказала деду, как получила плату за свою работу, дед хохотал и хлопал ладонью по постели, с восторгом глядя на меня.

– Ну, Лола, – хмыкал он, – ты вся в батьку. Тот тоже такой был. В обиду себя не давал...

– Это еще что, – улыбнулась я, – я вот завтра еще пойду у них имущество наше требовать... а то у нас с тобой, деда, шаром покати, ничего не осталось... Все наше добро староста прихватил.

Спать я легла, постелив на голую кровать старый тулуп. Аништа принесла. Хорошая у нас соседка.

Глава 4

Следующий день начался у меня с петухами. Я с трудом встала в такую рань, с закрытыми глазами доползла до соседской бочки в огороде и поплескала на лицо холодной воды, которая меня совсем не разбудила. Больше всего хотелось вернуться в избу, влезть в теплое меховое нутро тулупа и снова заснуть. Но я, собрав всю силу воли в кулак, открыла глаза, тем более утренняя прохлада бодрила гораздо лучше чашечки кофе и сон уже почти прошел.

Еще вчера, работая на грядках, я составила план выхода из кризиса, в котором оказалась. Все в соответствии с наукой, которую я почему-то помню, в отличие от своего имени... вот пакость же!

Итак, первым делом следовало обеспечить себя пищей, раз уж с крышей над головой повезло. И как показал вчерашний день, работать на кого-то даже за миску каши мне совершенно не нравится. Нет, если уж вкалывать, то на саму себя, а не на старосту.

Еще мне нужна одежда, ходить в обносках неприятно, и домашняя утварь... я, конечно, не оставлю свое имущество в руках жадины старосты, но понимаю, что все они мне не отдадут. Как говорить, забираешь чужое, а отдавать приходится свое. Поэтому, уверена, биться придется за каждую ложку. Но я вчера поспрашивала деда на предмет наличия инструментов, так что совсем уж без ничего не останусь.

Выполнять свой план я начала с обхода окрестностей. Летом в деревне оставаться голодными могут только самые отъявленные лентяи, или такие болеющие, как мой дед. Даже если в огороде ничего не растет, то есть лес и речка. Чутьочку терпения и грибы-ягоды, травы и какая-нибудь рыба на столе будут всегда.

Сейчас, в начале лета уже должны быть луговые опята и шампиньоны, и можно попробовать поискать в лесу сыроежки, подберезовики и даже белые... Их, конечно, сейчас гораздо меньше, чем ближе к осени, когда и поесть, и засушить на зиму хватит.

А то лето пролетит скоро, не заметишь, а зимой в лесу грибов-ягод нет... только волчки да медведи рыщут, да ищут, чем бы поживиться. Сожрут, не подавятся.

Мне повезло, совсем недалеко от деревни, на лугу возле леса обильно росли опята... Корзинки у меня не было, так что я стащила с головы платок, и туда складывала грибы. Набрала столько, что еле смогла унести в узелке из платка и подобранном подоле фартука. Надо завтра мешок хотя бы какой у Аништы попросить...

Пока собирала грибы, проверила ягодники. Земляника еще не поспела, но дней через десять можно будет наведаться. До речки я так и не дошла. Уже пора было бежать домой, кормить деда и самой позавтракать.

– Деда, – заговорила я запивая хлеб с яйцом простоквашей из бабки Агиного молока, – нам с тобой обязательно нужно завезти хозяйство. Иначе за зиму мы старостихе столько задолжаем, что всю жизнь будем пахать за миску каши. А у меня остались украшения. Мало, но с чего-то же нужно начинать...

– Лола, – поперхнулся дед, – ты хочешь их продать?

– Ну, да, – пожалала я плечами, – я не помню, конечно, откуда они у меня. И, возможно, в прошлом я ими дорожила... Но, деда, другого выхода у нас нет... если не поднимемся к началу зимы, то придется всю оставшуюся жизнь перебиваться. Ты же понимаешь, старостиха так просто бесплатную рабсилу из рук не выпустит.

Дед сокрушенно вздохнул, пожевал губами, подумал...

– Странно ты говоришь, мудрено, но правильно... Хозяйство нужно восстанавливать, а то тебя и замуж никто путевый не возьмет... Ты на Аништу-то не смотри. Ежели бы не семеро детей малолетних, жили бы они не хуже соседей... Надо тебе в город ехать... через неделю ярмарка. Там лавку мой знакомый купец держит... скажешь, что внучка моя, что вернулась...

цену честную даст. Не обманет. И если хватит, корову надо покупать. Корова нас с тобой всю зиму прокормит, а ежели молочная попадется, то и на одежду заработать можно.

Замуж я, конечно же, не хотела. По крайней мере пока. Но возмущаться и отрицать не стала, не настаивает дед, что прямо сейчас надо жениха искать, вот и ладно. А там разберемся, что дальше будет.

А вот с грибами вышел конфуз... здесь, во Флодолии, их не ели. Вообще. И дед с подозрением смотрел, как я перебираю, чищу и мою шляпки луговых опят. Пришлось сказать, что это обычная пища в гареме... мы, наложницы, там только грибами и питались. При этом я, правда, представила совсем другие грибы. И мне даже смешно стало. Пожалуй, не соврала я. Без грибов в гареме не обходится.

Кажется, мое придуманное прошлое обрастает гораздо большим количеством деталей, чем реальное.

Вот ведь интересно, если встать посреди комнаты и попытаться хоть что-то вспомнить, то в голове становится пусто, как в наших с дедом сундуках. Но если начать делать, то как-то само собой все вспоминается... вот супчик грибной сейчас варю. И откуда-то точно знаю, что именно нужно делать. И уверена же, я сто раз уже такое готовила.

– Деда, – подала я голос, заглянув в дом, – а картошка у вас здесь растет?

– Картошка? – переспросил дед, – нет, не слышал... а что это такое?

– Да, – расстроено отозвалась я, – клубни такие... мы в гареме ее и в суп клали, и так ели... ну, в смысле, нам готовили...

– Клубни? – дед почесал затылок, – не-е... про картошку не слышал. У нас паслен есть, у него тоже клубни съедобные. Эх, – вздохнул он, – сейчас бы паслен посадить... еще успели бы урожай собрать. Для коровы бы хорошо было... зимой-то скотину чем-то кормить нужно...

Он говорил и говорил, а я размышляла. Скорее всего, процентов на девяносто, паслен со съедобными клубнями и есть привычная мне картошка... ну, или что-то очень похожее. И, правда, если посадить картошку сейчас, в начале июня, она успеет созреть. А это уже ого-го какие запасы... Где бы только пару мешков паслена этого найти на посадку.

Но кажется, я знаю, кто у нас в деревне такой добрый и с удовольствием поделится с нищей мной посадочным материалом.

Закончив варить грибной суп, где кроме грибов и грибного бульона ничего больше и не было, и высыпав остальные грибы прямо на стол, чтобы сохли, я отправилась к старостихе. Надо же забирать у них свое имущество... а то неудобно за ложками и тарелками к соседке бегать. Да и, вообще... оно же мое.

Старостиха кормила во дворе кур, раскладывая мешанку по старым деревянным корытцам, расставленным вдоль сарая. Куры белой волной кидались к угощению и дробно стучали клювами. Их было не меньше пятидесяти, и я невольно представила, сколько яиц собирает старостиха каждый день. Позавидовала... чего уж врать-то себе. Но, ничего, у меня тоже будут и куры, и корова, и что там еще здесь водится.

Женщина встретила меня насторожено. Но она, кажется, еще не догадалась, зачем я пришла. И кивнула мне на огород, мол, иди работай. Но не тут-то было.

– Ты, тетка Олгата, не торопись, – улыбнулась я во все тридцать два зуба, дед просветил меня по поводу имени моей спасительницы, – огород-то твой подождет еще. А вот нам с тобой вопрос надо решить куда более важный, чем прополка грядок. Мне сорока на хвосте весть принесла интересную. Говорила, ты с мужем весь дом дедов вытрясла и добро наше у себя припрятала для лучшей сохранности. Так вот, – я улыбнулась еще шире, – теперь вернуть бы все... дальше мы уже сами справимся с охраной.

– Какая еще сорока? – старостиха попыталась сделать вид, что не поняла о чем я толкую, – ты бы меньше на птиц смотрела, да лучше работала. Тут тебе не гарем, где за красивые глаза поить-кормить будут.

Скорее всего она хотела меня смутить, но не на ту напала.

– Тетка Олгата, – у меня уже болели щеки от улыбки, – знаешь, чему я научилась лучше всего в гареме?

Старостиха от моего вопроса вспыхнула и покраснела ярче платка моего, когда он еще новый был.

– Э-э, нет, – рассмеялась я, – совсем не тому, о чем ты подумала... ну и проказница же ты, тетка Олгата... дядька Динай, небось, ночами не спит, фантазии твои воплощая... но я, – выделила, – лучше всего научилась тому, как себя в обиду не давать. Среди сотен красавиц стать той, которую заметят, ой, как трудно... Так что, мы, уж давай, с тобой как хорошие соседи разговаривать будем. Взяла имущество – возвращай, честь по чести...

Тетка Олгата постояла, что-то соображая, а потом молча махнула рукой, повела меня в сарайку во дворе и, распахнув дверь, сказала всего одно слово:

– Забирай...

В сарайке лежал откровенный хлам, который старостиха не выбросила только в силу своей маниакальной жадности. Рваные корзинки и мешки, прохудившиеся ведра, расколотые чугунки и битые горшки, сломанные лопаты...

Забирать все это можно было только для того, чтобы очистить сарай от мусора.

– Тетка Олгата, – шагнула я к ней, грубо вторгаясь в личное пространство старостихи. Между нашими носами оставалось не больше пяти сантиметров. – ты, кажется не поняла, что я тебе сказала. Но я сегодня чересчур добрая, да и благодарна я тебе за спасение. Если бы ты не отвезла меня к бабке Аге, то не смогла бы я домой вернуться. Потому, тетка Олгата, сейчас у тебя есть два пути: либо ты отдаешь мне все, что забрала, либо я весь этот хлам выложу посреди деревни, чтобы все полюбовались, как усердно ты хранила имущество моего деда... ославлю ведь, тетка Олгата... на все окрестные села ославлю... да, и ходить будешь, оглядываться, как бы я умения свои, в гареме полученные, не применила... мы ведь там очень жестко от соперниц избавлялись... сама понимаешь, когда баб много, а мужчина один...

Я говорила тихо и спокойно. Но чем дальше, тем сильнее бледнела старостиха... я стояла слишком близко, и слишком была уверена в своих способностях испортить жизнь, чтобы простая деревенская бабка смогла устоять... И она сломалась... Всхлипнула, отступила на шаг, и распахнула двери соседнего сарая.

– Забирай все, проклятая, – выдохнула она сквозь слезы. Она, кажется, хотела добавить еще что-то, нелицеприятное, но не решилась. Слишком неправильно я вела себя по ее деревенским меркам. Вместо того, чтобы просить, как делали все остальные, требовала.

– Все не буду, – улыбнулась я. Мне совсем не было жаль эту жадную тетку, – возьму только то, что ты у деда забрала. А за то, что за это время в негодность пришло, приготовь мне чутка муки и круп разных, а то нам с дедом есть нечего, два мешка паслена на посадку и всех остальных семян понемногу... И вся деревня, тетка Олгата, узнает о твоей доброте.

Кажется, именно тогда старостиха и возненавидела меня всеми фибрами своей души. Но в то же время, признав во мне силу, она больше никогда не пыталась играть со мной в свои хитровыдуманные игры.

Садово-огородный инвентарь, хозяйственную утварь и все остальное мы с теткой Олгатой разбирали часа три не меньше. Она почти не спорила со мной, но и я не нагнала. Забирала только то, что мне, действительно, было нужно.

Набралась приличная куча вещей. Я уже была готова волоочь все на себе, но откуда ни возьмись подъехал Ванут на хозяйской лошади, и, посмеиваясь в усы, сообщил, что староста, дядька Динай, так впечатлился моей хозяйственной хваткой, что в знак примирения отправил соседа помочь мне отвезти свою добычу домой.

Весь остаток дня я занималась уборкой. Зато теперь полки на кухне больше не пугали пустотой. В сундуке завелись несколько льняных полотенец, праздничная бабушкина юбка и

рубаха, пара дедовых рубах, вышитых по вороту и синие выходные штаны. Мне даже сначала показалось, что это джинсы, но нет... Это были не они.

В сарайке стояли лопаты, грабли, вилы и даже скрипучая, деревянная тележка на одном колесе. У меня в хозяйстве появились ведра, корзинки, парочка холщовых мешков, в которые я складывала разную мелочь. Таз и ребристая стиральная доска. А еще я забрала бабкину прялку, ткацкий станок и шкатулку со швейными принадлежностями. И пусть я совсем не умею прясть и ткать, но пусть лежат. Кушать не просят. Вдруг научусь?

Засыпала я на своей перине, в нормальной постели, довольная, но слегка голодная... маловато пустой грибной похлебки, чтобы наесться. А от угощения Аништы мы с дедом решили отказаться. Сами справимся.

Глава 5

Весь следующий день я планировала посвятить огороду. Надо же торопиться, у людей паслен уже вовсю из земли выглядывал. А я, кстати, узнала в чем отличие паслена от картошки. Местный паслен – это нечто вроде гибрида картошки и томатов. Помимо клубней под землей, у них еще съедобны и черные ягоды, размером с детский кулак. Их немного, штук по пять-шесть с куста, но тем не менее такой вариант картошки мне понравился даже больше.

Так что, сбегав с утра за грибами, вручила их деду, чтобы чистил, и взялась за лопату. Благо погода сегодня, в отличие от предыдущих двух дней, была совсем не жаркой. Как раз для интенсивной физической нагрузки.

Перед тем как идти в огород я поставила томиться на угли горшок с грибной похлебкой из вчерашних грибов с горстью выданного старостихой пшена. Дров оставалось слишком мало, решила завтра захватить веревку, чтобы собрать в лесу хворост.

Копать было легко, несмотря на то, что огород в прошлом году не обрабатывался и теперь жесткие, сухие стебли бурьяна приходилось сначала выдергивать вручную. А иногда даже выкапывать. Бурьян этого года пока не успел дорасти до того, чтобы создавать проблемы.

К вечеру я почти закончила с огородом. Устала так, что еле шевелилась, и если бы не держалась за лопату, свалилась бы без сил. А так, поддерживая с лопатой друг друга, мы еще умудрялись копать.

– Лола, давай мы тебе поможем, – ко мне, улыбаясь, шла Аништа с лопатами и старшими мальчишками. Они тоже устали, я это видела, но отказываться от помощи не стала. Они же ко мне со всей душой... Надеюсь, и я когда-то смогу отплатить соседке за доброту.

Вчетвером дела пошли быстрее. Мы докопали огород, и даже посадили паслен... Вся семья Аништы с мала до велика вышла мне помочь. Кроме самого младшего, конечно.

Сажают паслен точно так же, как картошку. Последние ямки закрыли уже в темноте, когда в небе зажглись звезды...

Я так вымоталась, что даже есть не смогла. Сил хватило только ополоснуться в соседской мыльне. До кровати я добиралась уже в полусне.

Утром, как ни странно, ничего не болело. Я-то ждала, что придется еще несколько дней отходить от такого трудового подвига, но вскочив с постели с петухами скакала, даже не сразу заметив, что что-то не так.

Сегодня вместе со мной за грибами пошла старшая дочь Аништы – Ретта. Ей и было-то всего четырнадцать, ребенок по моим меркам, но девочка фактически тащила на себе весь дом, пока родители и старшие братья уходили на заработки.

Весела и смешливая, яркая и теплая, как огонек в летнюю ночь, она всю дорогу вприпрыжку бежала, шлепая босыми ногами по накатанной тележными колесами дороге, густо заросшей подорожником. Напевала что-то себе под нос, распугивая кузнечиков и сбивая корзинкой метелки мятлика лугового. Она ни секунды не могла стоять на месте, успевая между делом нарезать пару веников из полыни, чтобы развесить в сарайке от насекомых, набить мешок крапивой и нарвать букет полевых цветов. Пока мы дошли до полянки с опятами, ей уже можно было идти обратно, относить то, что набрала.

– Ретта, – рассмеялась я, – и как ты все успеваешь?

– Не знаю, – подхватила мой смех Ретта, – мама тоже удивляется, а оно само получается. Вон увидела я крапиву, думаю, как хорошо было бы собрать, да домой принести, свинкам порубить. А потом раз! – она закружилась на месте, – и все уже собрано, и в мешке за спиной висит. И вроде как не я собирала...

– Так просто, – улыбнулась я, – я тоже хочу. Раз! И корзинка грибов собрана...

– А давай попробуем, – звонко расхохоталась Ретта, – вдруг у тебя получится.

– А давай. Представляю, как здорово было бы набрать много грибов и засушить их на зиму, – подхватила я смех, и указала на тонкую пунктирную дорожку крепеньких, свеженьких луговых опят, которая начиналась прямо у моих ног, – вот смотри, это опята. Видишь? Собирать у них нужно только шляпки, ножки слишком жесткие и невкусные.

– Хорошо, – кивнула Ретта и присела на корточки, – ой, какие они хорошенькие, Лола! И как много!

А грибов сегодня, и правда, было видимо-невидимо, ночью дождик накрапывал, может быть поэтому. Корзинки мы, смеясь и подшучивая, заполнили очень быстро, а еще нашли дялянку с цветущим зверобоем, на этой стороне реки бабка Ага травки не собирала, так что смело нарвали по большой охапке. Засушу на чердаке, зимой чай пить буду.

На краю грибной полянки оказался неглубокий лог, на дне которого бежал крошечный, воробей лапки не замочит, но веселый ручеек.

– Давай спустимся, – Ретта кивнула вниз, – там вода студеная и вкусная-я! Я когда за ягодами хожу, всегда напиваюсь так, чтоб в животе булькало. И, знаешь, свежести от этой водицы на весь день хватает...

Но на пологом склоне, с солнечной стороны мы задержались. Здесь поспела первая луговая клубника и просто невозможно было не остановиться и не попробовать ягоду на вкус. Теплая, пахнущая лугом и солнцем сладость, растеклась по языку, даря ощущение счастья. Я смаковала круглые спелые ягоды, одновременно собирая для деда в платок, стянутый с головы. Одну мне, пару – деду... он все равно потом со мной поделится...

Удобнее всего было бы собирать веточками, но пока еще не все поспели и я рвала по ягодке, оставляя остальные краснеть.. и не успела оглянуться, как набралась внушительная горка крупных красно-белых ягод... Ретта ползала рядом, и тоже без платка... вот попадет мне от Аништы. Я-то чуть что с головы платок стягиваю, а местные больше подол фартука используют.

А вода в ручье на самом деле оказалась вкусная. Кристально чистая, свежая и с ароматом клубники с наших рук... Несмотря на раннее утро, солнце уже припекало, и мы осторожно, стараясь не поднять муть со дна, зачерпывали воду пригоршнями и пили-пили, и никак не могли напиться. Остановились только, когда в животе забулькало.

– Лола, смотри, – Ретта взмахнула сложенными лодочкой ладонями, разбрызгивая воду широким веером мелких капель. И, пока капли падали, я увидела кусочек самой настоящей радуги. Необычайно яркая и такая близкая... особенная, как все сегодняшнее утро...

– А ты знаешь, – рассмеялась я, – что там где радуга касается земли лепреконы прячут горшочек с золотом...

– Лепреконы? – удивилась она утыкаясь взглядом в то самое место в траве, где только что было основание разноцветной дуги, – кто такие лепреконы?

– Это маленький народец, очень жадный и хитрый...

– А! Гномы... Тогда, – вздохнула Ретта с сожалением, – горшочка точно нет. Они давно все выкопали и перепрятали...

Домой мы возвращались загруженные под завязку. Я помимо грибов, ягод и охапки зверобоя, тащила огромную вязанку хвороста, набранного там же, в овраге у ручья. Ретта волокла мешок крапивы и штук пять веников из полыни...

Не знаю. Сработал ли способ Ретты, или просто так получилось, но усталости у меня совсем не было. Будто бы я в лес на прогулку ходила.

Дедушка остался перебирать грибы, у него это очень ловко получалось, несмотря на полторы работающие руки. А я пошла в огород... надо было перетаскать выкопанный вчера бурьян, он вполне годился для растопки очага, поэтому его нужно было связать и положить под навес летней кухни.

Еще вчера я оставила пару небольших грядок для морковки и лука. Поздновато, но ничего. Что-нибудь да вырастет. Главное поливать, не лениться, ведь весенней влаги в земле уже нет. Еще прополола делянку с щавелем, привела в порядок клубнику, занимавшую всю площадь сада под деревьями.

Дед сказал, что мамка моя очень любила сад и постоянно покупала на ярмарках новые растения. И когда-то наш сад был известен на всю округу. Клубнику мама принесла как раз в тот год, когда в семью пришла беда. И моя бабушка все эти годы в меру возможностей пыталась ухаживать за садом в память о своей невестке и внучках. Но большинство растений вымерзло года через три, когда выдалась особенно холодная зима. И из всего сада осталось только несколько яблонь, одна груша и пара вишневых кустов.

Почистила от высохших прошлогодних стеблей заброшенный малинник, подвязала кусты смородины и крыжовника, старые, но обильно усыпанные кистями с мелкими, зелеными зернышками будущих плодов. Кустов было немного, по паре штук, но нам с дедом на варенье хватит.

И опять вся работа оказалась мне откуда-то знакома, подтверждая мои мысли, что никакого отношения к гарему и настоящей Лоле я не имею... Никак не может девушка-наложница, выросшая и воспитанная в гареме, а Лолу украли, когда ей было около трех лет, знать и уметь то, что знала и умела я.

Обедали мы все той же грибной похлебкой. И я поняла, что завтра с утра я должна дойти до реки и поймать хотя бы пару рыбешек на уху. Иначе на одних грибах мы долго не протянем.

– Лола, – окликнула меня Ретта вечером, – я когда капусту рассаживала, у меня несколько корней осталось, хиленьких совсем. Я их прикопала, чтоб не пропали. Они и сейчас не лучше, но если хочешь, я их тебе отдам. Рассадить, вдруг вырастут?

Ну, ведь чудо, а не девочка! Капусту я посадила по краю дорожки к колодцу. Рассада на самом деле оказалась еле живая, тоненькие стебелечки, пара желтеющих листочков... Буду верить и надеяться, что отойдут.

После ужина я решила искупать деда. А то жара, лето, а он последний раз в мыльне был еще весной... Нет, я его, конечно, ежедневно протираю, раза три в день переворачивала, массирую как могла, разгоняю кровь, и смазывала пролежни мазью, которую Аниште дала бабушка Ага. Видать хорошее бабушка сварила снадобье. Столько лет дед лежит, почти неподвижно, а состояние еще очень даже неплохое.

Самое сложное было донести деда до мыльни и обратно. Мне помогали Аништа и Ванут. Без помощи моих соседей я бы не справилась. И ведь дед худой, в чем душа держится, и должен быть не особенно тяжелым, но безвольное тело висело на руках и весило, казалось, раз в пять больше, чем на самом деле. Пока донесли выдохлись.

В мыльне я хорошенько пропарила деда, и от души растерла кожу пучком мыльной травы, которую здесь используют вместо мочалки и мыла одновременно.

Когда чистый дед, наконец вернулся в свою постель, я, напоив его чаем из собранного утром зверобоя, рухнула на свою кровать и тут же уснула.

Разбудил меня громкий шепот:

– Лола! Лола, проснись, – пытался достучаться до меня дед, и, когда я перепуганная донельзя, примчалась к нему, он, хватая меня за руку, зашептал возбужденно, – Лола, я что-то чувствую... понимаешь? Я что-то чувствую...

– Деда, это здорово, – пробормотала я, не разделяя его восторги, – это здорово... но ты мог бы подождать до утра, а то мне вставать рано...

– Ох, Лола, – спохватился дед, – прости, дочка... не подумал, старый дурак, что ночь-то глубокая уже...

– Ничего, – улыбнулась я и зевнула, – бывает...

А деду на самом деле с каждым днем становилось все лучше и лучше.

Глава 6

Утром, накопав червей у соседской старой навозной кучи, захватив удочки соседских мальчишек и самую большую корзинку, уже свою, я отправилась на рыбалку и за грибами одновременно. Рыбы-то мне много не надо, мне ее хранить негде, так что на одну сковородку поймаю... или на две, чтоб наестся до отвала... и на обратном пути грибов наберу, решила я.

Денек обещал быть жарким, на небе не было ни облачка. Солнце уже пригревало, но в тени все еще тянуло ночной прохладой и сыростью. Я топала по тропинке в даренных лаптях и думала, что огород я засадила, в доме более-менее порядок навела, с голоду мы с дедом не помираем, значит пора ехать в город. Дед сказал, что из нашей деревеньки раз в месяц идут общие подводы в город. Кому-то продать, кому-то купить. Но ждать, когда все соберутся, мне не с руки. Им-то спешить некуда, у них-то хозяйство налажено, а у меня куда ни плюнь – дыра. Перестанешь ходить за грибами, есть нечего будет. Лапти вон у меня скоро развалятся. А я-то босиком не могу ходить. Пробовала, больно.

Одежды тоже нет. В праздничном наряде, который я забрала у жадной старостихи, в огороде копать не будешь. Так что нужно одежду какую-никакую купить. У деда рубаха ветхая совсем. Вся в заплатках. То тут, то там рвется. Соль мне нужна, мука, крупы...

Надо в город пешком добираться. Идти целый день придется, но куда деваться-то? Аништа за дедом присмотрит, а мне через три дня выходить надо, чтоб к ярмарке успеть.

До речки я добежала за минут за тридцать. Совсем недалеко она, оказывается, если на грибы не отвлекаться. Тихая речная заводь, на которую мне указали, вся заросла камышом, но рыбаки местные выход к воде себе прорубили. Вот к такому проходу я и отправилась.

Червя на крючок насадила, мне старшие мальчишки Аништы, братья близнецы Ромен и Рэмус, утром ликбез провели, удочку забросила, на рогульку, каким-то добрым человеком вбитую, положила... Сижую жду, когда вытаскивать нужно будет... минуту жду, две... а поплавок на волнах покачивается и дергается даже не думает. Решила я, что червяк у меня с крючка слетел... вытащила. Нет, висит... хвостом машет даже, не утонул еще.

Закинула снова... и опять тишина. Вода плещется, птички поют, стрекозы жужжат, утка крикает в камышах... а рыбы нет...

Я уже сидеть устала, а рыба все не клюет. И главное, как представила, сколько грибов бы я за это время набрать успела бы, так сразу не по себе стало. Если я так до обеда просижу, да ничего не поймаю, чем мы с дедом обедать будем? Кукиш с маслом доедать?

Помаялась я еще немного, да решила. Оставила удочку рыбу ловить, велела дожидаться самую крупную, а сама пошла за грибами. Недалеко же тут, буквально два шага.

Грибы начались почти сразу, как я отошла от реки. И их снова было столько, что я срезала не поштучно, а целыми дорожками. Как хорошо, что здесь грибы не едят и у меня нет конкурентов на этот продукт.

К реке я вернулась с полной корзинкой, букетом зверобоя и вязанкой хвороста. А удочка моя куда-то ушла. Ну, в смысле, на месте ее не оказалось. Я сразу подумала, что спер кто-то... осмотрелась, вокруг никого. Утка только, будь она неладна, крикает и крикает, как заведенная.

И ладно бы своя удочка была, плюнула бы и домой вернулась бы. Все равно толку от этой рыбалки ноль. Но ведь мне соседям снасть возвращать нужно. А значит надо найти и покарать вора. Так что оставила я свое добро на берегу, там где удочка была, и вдоль реки пошла.

А уже солнце припекать стало. И пить мне хочется, я же до овражка с ручьем так и не дошла. Иду, ору, мол, люди добрые, вору проклятые, кто мою удочку забрал, верните добро на место.

А вокруг ни души... и вдруг смотрю, а на полянке зайчонок сидит. Ушками трясет, носом крутит и на меня смотрит глазами цвета тучи грозовой. Маленький и такой пушистый, что

у меня рука сама потянулась погладить его по спинке коричневой. А он, шмыг, и в норку от меня сбежал. Прямо тут на полянке. И сидит из темноты поглядывает, мол, и что ты теперь делать будешь?

И тут дошло до меня, что не заяц это. А кролик. Самый настоящий кролик. Слишком мелкий он для зайца, да и мех такого оттенка у зайцев не бывает. И к тому же, зайцы от опасности убегают, а не в норку прячутся. Они, вообще, норы не роют.

А кролики это не только ценный мех, всплыло в моей дырявой голове, но и два, три, а то и четыре килограмма ценного диетического мяса... И я прямо вкус почувствовала во рту. Кролика в сметанном соусе. Желудок взвыл благим матом, костеря меня на все лады. Я-то еще не завтракала.

Интересно... я задумалась, а поймать этого кролика можно? Вот бы у нас пир горой был вечером. Крольчатина не только со сметаной вкусна, но и в рагу овощном... а уж нам, грибоедам, вообще, в любом виде за милую душу пойдет.

Забыла я про удочку... вернулась к своим котомкам, смотрю, а мой инструмент рыболовный никуда и не уходил. Он все это время в воде лежал. Вроде как стянул его вниз кто-то очень сильный... И тянул не со стороны берега, а из реки.

Адреналин плеснул в кровь, сердце забилося, а я помчалась добычу свою долгожданную из воды добывать. Там точно сом какой-нибудь трехметровый. Нажарим с дедом, наедемся. Соседей в гости позовем.

И так я боялась сома упустить, что прямо в лаптях в воду сиганула. И юбку не подобрала даже. Схватила удилище и тяну. Медленно тяну, готовлюсь, что сомище на том конце за жизнь свою бороться будет.

И правда, в один прекрасный момент, как дернул он! Я чуть в воду целиком не рухнула. Но удержала. И осторожно дальше тянуть стала. Лишь бы только не сорвался. Или снасть не порвал. Леска-то тонкая совсем, для ловли сомов непригодная...

Шаг за шагом пятилась назад, и вот уже на бережок вышла. Тянула, тянула... в воде тень показалась темная... только странно как-то... я думала сомы пошире и круглые как бревно, а тут узкая совсем спинка-то...

Еще чуть-чуть... и вытащила я из воды рыбку... Не упустила.

Не сом, конечно... карась. Но довольно крупный. Нам с дедом хватит вкус грибной перебить. Вот еще бы кролика поймать.

И чем больше я о кроликах размышляла, тем сильнее хотела наловить их побольше. И посадить в клетки.

Размножаются и растут они быстро, кормить их несложно. Травы нарвала и все. На зиму сено заготовить, конечно, надо, но опять же, кролик – не корова, можно и руками нарвать и высушить. Им-то не много нужно. И веники нарезать.

Одна проблема – клетки. Нет, теоретически я эту клетку представляю. Даже можно сказать визуализирую. Но вот что-то не видела я у деда столярной мастерской. Ни досок у нас для идеи моей не заготовлено, ни сетки металлической. Значит за материал и за работу нужно заплатить. А у меня денег нет.

И тут моя капризная память подкинула мне решение... Ямное содержание! Роемся яма, туда запускаются кролики и все... никуда они из ямы не денутся.

Я точно знаю, что так можно... и главное, очень просто. И материала нужно мало, и можно вполне обойтись подручными средствами. Осталось только придумать, как поймать живых животных.

Наскоро перекусив жареным карасиком и накормив деда, я помчалась готовить жилище для моего будущего кроличьего стада.

Место для ямы я выбрала на задворках, за огородом. Там раньше, в хорошие времена дровяник был, вдоль забора. Да место для скирды... вот я с краешку, и притулилась... место хорошее. Высокое, сухое... то, что нужно.

Разметила квадрат примерно два на два метра и принялась за работу. К вечеру яма глубиной в полтора метра была готова. Выкопанную землю я сложила в аккуратную кучку. И уже когда закончила, сообразила, как повезло мне. Могла ведь почва песчаной оказаться, тогда бы норы кроличьи обваливались. Или глиной сплошной. Тогда топило бы яму, вода бы не уходила. Но мне попался хороший, добротный суглинок. Идеальный вариант.

Соседские ребяташки-пострелята весь день крутились рядом, задавая тысячу вопросов, а после обеда принесли лопаты и принялись копать у своего плетня. Сказали, что тоже хотят кроликов.

Вечером нашими ямами заинтересовались все. Даже Ванут пришел посмотреть, чего это мы удумали.

– Лола, – почесал он затылок, – а ты уверена, что кролики твои не разбегутся из этой ямы?

– Уверена, – кивнула, – Со дна они наверх не допрыгнут, а норки они роют в сторону и вниз. Могут и вверх, но не столько. Силенок не хватит. Вот и будут в моей яме жить, никуда не денутся...

– А ловить как будешь? Тебе же живые нужны...

– Не знаю пока, – пожалала я плечами, – силки какие-нибудь смастерю. Но сначала надо стенки лозой оплести, чтобы земля не осыпалась. Завтра и займусь.

– Много лозы нужно, – покачал головой Ванут, – и жерди... не донесешь все. Давай я завтра с рассветом свожу тебя на лошади. И нарубить подсоблю. Интересная затея, – он почесал затылок, – надо попробовать... Ежели у тебя получится, то и мы такую яму устроим.

На следующее утро, вместо похода за грибами, мы с Ванутом отправились за ивовыми прутьями. Поехали в другую сторону от деревеньки, там протекала совсем маленькая речушка с берегами густо заросшими тальником.

Кроме огромного количества гибких прутьев для оплетки, мне нужно было шестнадцать длинных, двухметровых жердей для укрепления стенок в самой яме, и еще столько же коротких, чуть более метра для плетня сверху который будет защищать кроликов от наземных хищников.

Но мы решили, что материала много не бывает. И жерди в хозяйстве пригодятся, и лоза лишней не будет. Да вон хотя бы забор обновить. У меня-то он уже больше года без ремонта стоит. Кое-где даже столбики подгнили и плетень заваливаться стал.

Пока Ванут искал длинные и прямые стволики и рубил жерди, я резала лозу. Выбирала прут примерно сантиметр в диаметре, и подлиннее, не меньше метра с хвостиком.

Это мне дед посоветовал, он оказывается давным-давно, пока руки работали, корзины плел на продажу. И вчера, как узнал, что мы в тальники собираемся, затосковал... до сих пор, говорил, снится, как с лозой работаю. Для срезки прута обычно применялись специальные ножницы, но в дедовой мастерской, как и во всем хозяйстве, ничего не осталось. Так что пошла я на заготовки с небольшим топориком. Не знаю для чего он, но когда я у старостихи его забирала, выбрала исключительно за размер по моей руке. Дед сокрушался, головой качал, говорил, что от топора ива гибнет. А что делать-то? Разве же сейчас найдешь дедовы ножницы.

Пруты я очищала от листьев и мелких веточек, связывала большими, сколько могла поднять, пучками, волокла к лошади. Работа оказалась гораздо тяжелее, чем мне представлялось. Прав был Ванут, я сама на себе до конца лета бы прутья для оплетки ямы таскала.

Ванут нарубил жерди, и взялся помогать мне. Заготовка сразу пошла веселее. Я резала лозу, а он связывал пучки и грузил их в телегу.

А когда уставшие, но довольные мы возвращались домой, Ванут вытер пот со лба и сказал:

– Ну и горазда ж ты работать, Лола... уморила меня, а ведь день еще только начинается. Неугомонная ты... Как Ретка моя... С вами любое дело огнем горит...

А ведь и правда... времени-то пара часов с рассвета прошло, народ еще только-только подниматься стал, а мы уже с полным возом ивняка возвращаемся... Хороший совет мне Ретта дала, я все утро о кроликах думала... в сметане и без.

Глава 7

Чтобы оплести стенки ямы, мне нужно было вбить шестнадцать кольев по всему периметру через полметра друг от друга. А для этого нужно заточить жерди с одного конца и обжечь их острия на огне, дабы не сгнили они в земле за одно лето.

Дело это несложное, и после завтрака я притащила к яме небольшой чурбачок для удобства и принялась острить колья тем же топором, которым лозу рубила. Я уже к нему привыкла, привыкла. Как надо получилось не сразу, пару жердей я испортила, укоротив слишком сильно, но потом наловчилась.

Деду сегодня грибов перебирать не досталось, и он вызвался сделать силки для ловли кроликов. Он утверждал, что это совсем не сложно, всего лишь сплести жилки, которые я приняла за леску, и свернуть петлю. И он обещал научить меня, как правильно ставить ловушки, чтобы поймать зверьков живыми. Жилками с нами, как обычно, поделились соседи... и молотком деревянным, который назывался киянкой и использовался, чтобы забивать колья в землю.

Ох, и намахалась я киянкой этой! Думала руки отнимутся. Но ничего, справилась. А потом дело пошло быстрее, плести-то плетень, когда материала вдоволь, легко и просто. И к вечеру моя яма была готова к приему жителей.

Чтобы кроликам было где рыть норы, с каждой стороны я оставила без оплетки небольшие «окна». Четыре норы мне вполне хватит. В яме сплела, уж как получилось, кривенькие ясли для травы и сена. Сбегала к деду, чтобы подсказал, как делать. Поставила старое неглубокое корытце для воды, вокруг яму обнесла плетнем, а сверху накрыла редким плетеным же навесом, привязав его крепко-накрепко к четырем высоким кольям, вбитым по углам ямы... чтобы хищные птицы моими кроликами не обедали. Мне самой мало... целых ноль кроликов... завтра пойду ловить...

– Хорошая у тебя яма получилась, – Ванут после работы заглянул ко мне во двор, я как раз занималась ежевечерними постирушками, – я Динаю про нее рассказал. Заинтересовался староста. Завтра с тобой Яволк пойдет ловушки ставить. Он охотник удачливый, говорят, зверье к нему само бежит.

Вот уж кого мне совершенно не хотелось видеть, так это старостихиного сына. Я с ним встречалась два раза в жизни: когда он привез меня в деревню и бросил, не сказав ни слова, и когда жрал мою кашу, и оба раза мне хотелось его прибить... не складывается у нас общение.

Может надо было промолчать, все же Ванут старался, но я не сдержалась.

– Вот уж спасибо, сосед, удружил, – сказала с досадой, – завтра из леса вернется только один из нас...

Сверкнула я глазами...

– Почему? – Не понял сосед, – ты куда-то собралась?

– Я нет, – скорчила грозную рожицу, – а вот Яволк запросто... Он меня ненавидит, – пояснила я. Ванут так ничего и не понял. – А я его. И есть вероятность, что мы друг друга поубиваем...

– Ну, Лола, – Ванут расхохотался, догнав шутку, – это вряд ли... Не знаю, как тебе, но Яволку ты понравилась. Он только про тебя и говорит все эти дни.

– Да?! – я удивилась даже, – и что же?

– Что ты язва, егоза, вообще, неугомонная. И муж с тобой наплачется...

– Это мало похоже на комплименты, – подхватила я смех, – и скорее подтверждает мои слова.

– Про остальных Яволк, вообще, не говорит. Кривится только, когда Динай ему невест предлагает. Всех девиц в округе уже перебрал, ни одна не по душе.

– Эй, Ванут, ты случаем меня не сватаешь?

– Что ты! Небо с тобой! – фыркнул Ванут, – да разве ж Динай позволит наследнику на бывшей налож... – побледнел он, – прости, Лола...

– Да, ладно, забудь, – я изо всех сил постаралась удержать улыбку на лице. Нет, замуж за Яволка мне совсем не хотелось. Я просто поняла, что мое «гаремное прошлое» навсегда останется в памяти всей деревни. Они мне этого никогда не забудут. И не простят.

Утром, собралась за грибами, рыбой и кроликами. Подумаешь больно... так больно, что полночи без сна пролежала.

Как будто бы в первый раз. Уверена, в той, прошлой жизни, которую я не помню, мне не раз доводилось получать такие оплеухи от судьбы. И ничего, жива... Даже не утонула.

Немного опасалась увидеть Яволка у ворот, не хотелось начинать утро с неприятных эмоций. Они и так не самые радужные. Но он не пришел, и я, с облегчением выдохнув, потопала на реку. В этот раз я несла удочку, силки, прутья для силков и две корзинки. Одну для грибов, вторую для кроликов. А не поймаю, так в обе грибы наберу... или ягоды... в том овражке, где мы с Реттой собирали, уже должна быть клубника.

Пока дошла до реки. Развееялась. Улыбаться начала. Хорошо все же в деревне летом. Нравится мне такая простая жизнь... вроде как знакомая мне, но в то же время не совсем привычная.

Я это по рукам своим сужу. Очень уж мягкие они у меня. Видно, что к крестьянскому труду неприспособленные. Это сейчас за несколько дней мозолями покрылись... но слабыми, тонкими. Я первое время боялась, что до крови кожу сдеру. Обошлось.

И ноги... Верно тогда бабка Ага заметила, нежные пяточки у меня, как у младенца, будто бы и не ходила я никогда, а всю жизнь на постели возлежала...

Вот же... как удачно с этим гаремом получилось. И пусть вся деревня помнит, у меня еще вся жизнь впереди... Дед сказал, что мне едва восемнадцать исполнилось... Хотя чувствую я, что старше... чувствую, но молчу. Восемнадцать – прекрасный возраст.

На реке, уже привычно закинула удочку, положила ее на рогульку, и пошла силки ставить. Ох и намучилась, пока поставила... это же место надо выбрать, где кролики бегают, прут воткнуть в землю, крепко-накрепко, чтоб кролик вместе с ним не убежал, как попадетсЯ. А потом еще и петлю разложить, привязав к согнутому в дугу пруту... И закрепить его, чтоб не разгибался раньше времени...

Получилось у меня не с первого раза. Я уже всю траву вокруг вытоптала, сто раз прут втыкала-вытаскивала, да все с матюками... сами они сыпались, произвольно. Теперь если в мои силки кролик попадетсЯ, я его в яму пускать не буду... нельзя такого дурака на развод оставлять.

Зато, пока я ходила, на удочку карасик попался. Чуть меньше, чем вчера, но он же может стать не единственным. Рыбку на кукан, еще одного червяка на крючок, плюнула для запаха и отправила в воду рыбу ловить.

А сама пошла на другую сторону, за кроличью полянку. Очень уж там лужок завлекательный я увидела. Большой такой, просторный. Кажется, что должны быть там опятки мои ненаглядные... глаза бы на них не глядели. Заодно на силки гляну... а вдруг дурень какой уже попался? Мясо хочется!

Но, кролики умные твари... сидели рядом с моими силками, жрали травку и, кажется, посмеивались. Они даже не прыгнули в разные стороны, как раньше, когда меня увидели. Пришлось прикрикнуть. Думала, может с испуга кто влетит в петлю... но ленивые толстые жопы бежали неторопливо и неохотно, нахально махая светлыми хвостиками. Уселась рядом с норой и смотрели на меня ехидно. Мол, что, дура, съела? Фигушки тебе, а не мяско, кроликоедка!

Плюнула я на наглых животных, и пошла дальше. Все равно поймаю. Я упорная.

Лужок у подножия холма, на котором жили кролики, использовался под пастбище. Об этом говорили встречающиеся то тут, то там коровьи лепешки разной свежести... фу.. какая гадость... я уже решила вернуться, тщательно глядя себе под ноги, как вдруг увидела в траве круглый белый шар... размером с мячик для пинг-понга...

У меня даже сердце екнуло, я медленно опустилась на колени. Чувствуя ликование. Шампиньон! Настоящий шампиньон. Молоденький, вкусенький... а вон еще один... и еще... с моих глаз словно сняли пелену, я увидела, что весь луг просто усыпан белыми шариками грибов. Их было столько, что я не поднимаясь с колен, минут за тридцать наполнила корзину до краев.

Я бы и вторую набрала, но как раз в этот момент доползла до крошечной в несколько деревьев рощицы в небольшой ложбине под кроличьим холмом. И услышала, как над головой провода высоковольтные гудят. От неожиданности замерла, прислушалась... гудят. Высоковольтные провода... во Флодолии... ага... где электричества отродясь не было...

Осторожно голову задрала, чтобы посмотреть что-же там такое гудит. И ахнула. Прямо надо мной, на самой нижней ветке дерева, кажется, это был дуб, висела борода пчелиного роя. Если бы я встала, то угодила бы головой прямо в него.

Мне конец... надо валить отсюда, пока они меня не покусали. Но снова, как всегда, я смотрела на этот рой и понимала: я знаю, как поймать его, как смастерить улей и как потом ухаживать за пчелами. И какой доход можно получить в итоге.

И у меня есть корзинка... а еще у меня нет защитной маски, костюма и дымара. И это риск... если пчелы покусает меня, то кто знает как отреагирует организм. Я помню, что бывает аллергия на укусы, но есть она у меня или нет, неизвестно.

А еще этот рой, несмотря на то, что сидит довольно плотно, может в любой момент сорваться с места и улететь, если пчела-разведчик найдет подходящее для улья дупло.

У меня перед глазами закачались весы. На одной чаше лежали возможная прибыль, а на другой возможные убытки. Оценивать шкуру убитого медведя гораздо тяжелее, чем ее делить...

Я медленно отползла назад... встала... взяла пустую корзинку и выстлала дно фартуком... когда поймаю пчел, сверху завяжу платком.

Осторожно поднесла корзинку под бороду, придерживая левой рукой за доньшко, а потом правой резко трянула ветку. Пчелы шлепнулись в корзинку и, после небольшой заминки, продолжили равномерно гудеть... у меня получилось.

Я осторожно, стараясь не трясти и не делать резких движений, опустила корзинку на землю... отошла и в изнеможении рухнула недалеко от нее... Оказывается я вся промокла от пота, и это плохо, пчелы не любят резкие запахи. А мне их еще до дома нести.

Повязала корзинку платком, руки тряслись так, что узел не сразу получился. Почему мне так страшно? Я же знаю, как надо это делать, а боюсь, как будто бы в первый раз. Оставила небольшую щель, чтобы летающие вокруг пчелы смогли присоединиться к своим товаркам, и поставила корзинку на поляне, чтобы пчелы немного успокоились. Буду надеяться, что пока я сбегая к реке, мне нужно искупаться и смыть с себя пот, они не улетят.

И, заодно, надо успокоиться и подумать, куда я буду заселять пчел... с ульем же точно такая же история, как с кроликами. Столярки у нас с дедом нет, досок нет, и денег тоже нет. Только пчел не поселишь в яму... и в плетенный улей тоже. А вот в колоду, ну, пустотелый кусок бревна, можно... где только ее взять эту колоду? Что-то сколько раз за хворостом ходила, ни одну не видела.

Глава 8

Моя удочка научилась ловить рыбу, и на крючке сидел второй карасик. Будет у нас сегодня с дедом жареха на ужин. Насаживая добычу на кукан, я думала о том, что у меня почти закончилась мука. А из приправы только одна соль. И ее, кстати, тоже мало. Я даже застонала, представив, как много всего мне нужно купить на ярмарке послезавтра. Никаких цепочек не хватит.

Стоп, остановила сама себя. Толку-то от моих стенаний. Работать надо и все будет. При чем лучше головой, а не руками. Так что думай, голова, как из ничего сделать дом для пчел. Пчелки – это мед. Мед – это деньги. Всегда и во все времена.

Оглянулась... Купальник-то я свой дома оставила, постирала перед выходом свое единственное бельишко. И в воду лезть мне придется голышом. И очень не хочется, чтобы какой-нибудь глазастый деревенский паренек узрел то, что для его взгляда не предназначено. Не хочется мне потом ночами от поклонников назойливых отбиваться. Вся же деревня знает, что я наложница из гарема султана. Чудо, что до сих пор никто из мужиков не наведалься с претензией. Ну, только пусть явятся, столько удовольствия получают, что мало не покажется. Я для такого случая еще перед первой ночью крепкую палку у порога поставила.

Вокруг никого не было... вроде бы... Я вспомнила, мне Ретта говорила, что местные в наш лес не ходят. И на реку с нашей стороны деревни не заглядывают. Это еще с тех пор, как меня... ну, то есть Лолаги... похитили. Бояться снова на султановых охотников-таланг нарвутся.

И это прекрасно. Скинула я одежду и с визгом в воду сиганула, рыбу распугивая. А вода просто чудо... теплая, как парное молоко. Да и то, сколько дней уже жара стоит. И ночь сегодня была ясная, теплая. Вот и прогрелась заводь.

Дно у речки оказалось мягкое, глинистое, но чистое. Ил слегка щекотал между пальцами. Вода была почти прозрачной, и стоя по пояс в воде, я хорошо различала пальцы на своих ногах. Мальки, которых я распугала, забегая в воду, вернулись на мелководье, где теплее.

Деловито пробежал клоп-водомерка. Я даже разглядела на ногах серебряные башмачки – капельки воздуха, которые держали его на поверхности воды.

Бодро проплыл жук-плавунец, догоняя какую-то тварюшку, чтобы сожрать на завтрак. Медленно качались между стеблями камыша островки ряски. Охотились стрекозы, где-то впереди, на глубине плескалась рыба. На круглый лист кувшинки, на расстоянии вытянутой руки слева от меня, прыгнула маленькая темно-зеленая лягушка.

А мне было страшно идти глубже... и больше всего хотелось вернуться на берег...

– Лолаги! – громкий крик, раздавшийся с берега заставил меня вздрогнуть от неожиданности, – Лола-аги!

Я повернулась, чтобы разглядеть, кто это там меня зовет, и одновременно Яволк вышел на берег и увидел меня.

– Лолаг... – запнулся он и нагло устался на мою грудь. Вот ведь паршивец! Я вскинула руки, прикрывая себя, шагнула назад и одновременно присела, чтобы спрятаться под водой по шею. Но немного не рассчитала и ухнула с головой.

Темные холодные воды сомкнулись надо мной, отрезая от мира. Паника накрыла меня в тот же миг. Я бестолково замахала руками и ногами, мгновенно потеряв ориентацию в пространстве. От ужаса я открыла рот, чтобы закричать и вода хлынула мне в легкие. Остатки кислорода в моей крови дали мне еще пару мгновений, чтобы я успела осознать – это конец. Я утонула... Умерла...

– А-а-а-а! – орала я что есть мочи, повиснув на мокром Яволке. Я лезла по нему вверх, выше и выше, спасая себя от ужаса темной воды.

Мне было плевать, что я голая, а посторонний мужчина лапает меня, пытаюсь удержать. Главное выбраться... вылезти... выжить...

– Да, отцепись ты! Лолаги! – рычал Яволк, пытаюсь оторвать меня от себя. Но как только моя нога касалась воды, я начинала орать и биться с новой силой.

Пришла я в себя только на берегу, когда ступила на твердую землю. Я кулем свалилась траву и, обхватив колени, сжавшись в комочек, разрыдалась. От того, что все закончилось. От того, что я жива. От того, что мышцы сводило судорогой от боли и усталости. На меня, прикрывая наготу, опустилась юбка.

– Все хорошо, – Яволк присел передо мной на корточки, – прости, что напугал...

– Ничего, – всхлипнула я, истерика прошла так же быстро, как началась, – ты не виноват. Я просто... Я тонула... перед тем, как оказаться здесь. И, кажется, у меня теперь фобия.

– Фобия? – переспросил он. И я кивнула.

– Кажется, я теперь панически боюсь воды. И не могу себя контролировать, – шмыгнула носом я и снова вспомнила, как оказалась под водой. Сердце мгновенно ухнуло в пятки, а слезы закипели на глазах.

– Понятно, – теперь кивнул Яволк, – одевайся. Я отвернусь.

Он на самом деле встал и, сделав пару шагов по берегу, повернулся спиной. Широкой спиной, которая излучала спокойствие и невозмутимость.

И я вытерла слезы, Яволк прав. Надо одеться. Забрать пчел и корзинку с грибами с того лужка. И идти домой. А о своих страхах я подумаю позже... не сейчас.

Чтобы одеться мне нужно было снова зайти в реку и смыть с себя грязь. Но в этот раз вода едва доставала до колен... Дальше было страшно.

– Все, я готова, – я подошла к Яволку с удочкой и рыбой, – как ты здесь оказался?

– Тебя искал, – равнодушно пожал он плечами, – мне вчера отец наказал помочь тебе кролей наловить. Сказал, ты яму придумала, чтобы их дома разводить. Я ее посмотрел сегодня. Интересно. Думаешь не убегут?

– Нет, – мотнула я головой, – мне надо сходить на тот лужок, – ткнула я пальцем за кроличий холм.

Он согласно мотнул головой и пошел к лошади. Ну, да... мы пешком не ходим... Слишком круты. Мы даже в булочную на такси ездим.

– О! Мерин, – фыркнула я. Я точно помню, что мерин (*Mercedes-Benz) – это круто.

– Жеребец, – зарычал Яволк...

Хихикая, я положила удочку и улов на телегу и побежала за своим имуществом.

Страх отпустил, как только я отошла от воды, и теперь мне было даже как-то странно. И чего я испугалась? Там же всего по пояс было. Если бы не начала паниковать, то не пришлось бы Яволку меня из реки вытаскивать. Голую... Я даже покраснела от таких мыслей. Стыдно. Особенно если вспомнить, как я сама на него лезла.

Хорошо, что он не стал подшучивать надо мной. Не такой характер.

Пчелы не улетели из моей корзины в поисках лучшего места. Скорее всего просто пока не нашли ничего лучше. А значит я срочно должна предложить им что-то похожее на улей... какой-то квадратный ящик... или круглый, как бочка... бочка! Точно! Мне нужна старая бочка! И из нее можно сделать улей. Я, конечно, о таком не слышала,. Но попытка не пытка. Нужно пробовать.

Когда вернулась, Яволк неодобрительно покосился на обе мои корзины, но ничего не сказал. Помог поставить их на телегу и сесть самой.

Ехали мы медленно. От тряски пчелы недовольно загудели, и поэтому мне пришлось идти пешком, осторожно держа корзинку с моим будущим медом на вытянутой руке.

И вдруг я вспомнила, что у старостихи в сарае с мусором видела пару старых бочек. А это то, что мне нужно. Но просто так их жадина не отдаст, работать на ее огороде, даже за будущие ульи, мне не хочется. Значит надо воспользоваться тем, что у меня есть.

– Яволк, – улыбнулась я парню во все тридцать два зуба, – спасибо, что спас меня. Я была так напугана. Не представляю, что бы со мной было, если бы не ты...

– Пожалуйста, – буркнул он, отворачиваясь, но не тут-то было. Мне слишком сильно нужна была бочка.

– Ты такой сильный, – продолжила я беззастенчиво льстить, – с тобой любая девушка будет, как за каменной стеной.

Яволк промолчал, только запыхтел сильнее. Кажется, кто-то очень не любит, когда ему говорят комплименты. Мне стало весело.

– Повезет же кому-то, – вздохнула я, показывая, как завидую этой «кто-то», – будет жить под твоей защитой, к неге и заботе...

А он начал закипать. Вскочил с телеги, отобрал у меня корзинку с пчелами. Но от меня не легко избавиться.

– А какой ты красивый, Яволк, – я откровенно дразнила парня. Не знаю, почему он так реагирует, но это же забавно, – плечи в дери не пролазят, кудри русые до плеч, глаза синие, руки мощные, ноги крепкие...

Бедолага бледнел и краснел попеременно. Не от стыда, конечно, а от злости.

– Идет Яволк – земля от его шагов сотрясается, солнце и небо красотой его любят, мужики самой темной завистью завидуют, девки штабелями к ногам падают, а бабки мечтают года свои скинуть, да к ним присоединиться...

– Хватит! – зарычал взбешенный Яволк, – вот навязалась на мою голову! Язва! Замолчи.

– Нет, – замотала я головой, – не буду молчать. Буду спасителя своего славить, пока он мне бочку не принесет. Старую. Там у вас в сарайке с хламом всяким лежит.

– Что? – от удивления он остановился, тряхнув корзинку. Пчелы недовольно зажужжали, кружа вокруг нас.

– Да она дырявая уже. Вам без надобности. А я улей из нее сделаю. Для пчел.

– Бочку?!

– И умный! – восхищенно зажмурилась я, – сообразительный, с полуслова все понимает. Яволк рыкнул что-то невразумительное.

– Так как? – как ни в чем не бывало спросила я, – принесешь бочку?

– У меня борть есть, – ответил он. Раскусив мою хитрость, он успокоился и больше не шел пятнами, – борть принесу, если ты перестанешь ко мне цепляться.

Пчел здесь, оказывается, дома тоже не держали. В лесу устанавливали колоды-борти прямо на деревьях и ждали, когда пчелы их заселят. А потом через пару лет разоряли гнездо, забирая мед.

Эти новости меня порадовали. Значит цена на мед гораздо выше, чем я думаю. Борничество нерационально, хотя бы потому, что каждая пчелиная семья дает только один сбор, через два года, и умирает. А если делать нормальные ульи, то можно будет брать понемногу каждый год в течении очень долгого времени.

У Яволка были в лесу свои борти, и как раз сейчас одна оставалась свободной. Но я подумала и решила, что пусть лучше будет бочка. Борть – это слишком дорого, по деревне болтать начнут, чем я ее заработала. А мне здесь жить еще... и хотя лично мне плевать, что про меня думают деревенские, но я из своего темного прошлого помню, что репутация в деревне не та ценность, от которой стоит отмахиваться.

Мы договорились, что Яволк принес мне бочку и поможет сделать из нее улей.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я его, когда мы приехали, – и прости, что подшучиваю. Просто я...

– Просто ты язва, – перебил меня Яволк. Он выгрузил на скамеечку мои корзинки, удочку с двумя несчастными рыбками и свою большую корзину, которая все это время была в телеге, повязанная сверху большим платком. – Это кролики. Четыре самки и самец... А это, – он вытащил откуда-то из-под соломы, лежащей кучкой на телеги убитого кролика, – вам на обед.

Он уже уехал, а я стояла у ворот, держа за уши будущее жаркое, и улыбалась. Не такой уж и плохой этот Яволк. Скорее даже очень хороший. Наверное, не в мать пошел, а в отца... не зря же он староста.

Яволк вернулся быстро. Я едва успела выпустить живых кроликов в яму, бросить им траву и налить воды. Он принес бочку, инструменты... допотопные конечно. И конечно же, я не смогла не поддеть:

– М-да.. как ты этим, вообще, что-то делать собрался...

Я вытащила из ящика какую-то железку, смутно напоминающую сверло...

– Руками, – спокойно ответил Яволк и отобрал у меня эту штуку.

Делал он действительно руками. Я оглянуться не успела, как он провертел этой шуткой дырочку-леток, сделал крышку из принесенного с собой кругляша, выпиленного из бревна.

– Куда вешать?

– Никуда, – рассмеялась я, – я же не буду лазить по деревьям. Надо установить его на небольшую подставочку на земле, вроде скамейки.

Яволк пожал плечами и так же быстро сколотил и вкопал под яблоней подставку для улья. Закрепил на ней бочку, установив летком на север.

– И еще надо сделать рамки, – сунула я голову в бочку, покачав ее, чтобы проверить на устойчивость.

– Рамки? Что это? – Яволк заглянул в бочку следом за мной, как будто бы надеялся найти там ответ на свой вопрос. Или хотя бы понять, что я придумала.

– Чтобы пчелы строили соты не как попало, а так, как нужно мне, мы должны им немного помочь. Вот смотри, – я ткнула на внутреннюю сторону бочки примерно в паре сантиметров ниже края, – вот здесь нужно набить небольшой уступчик, на который кладутся реечки. На каждой реечке нужно накапать воском черту, чтобы обозначить пчелам место для начала постройки сот. Воска у меня пока нет, так что просто положим и будем надеяться, что они догадаются для чего мы это сделали.

– У меня есть воск... но ты уверена, что они будут строить языки именно по полоске?

– Нет, – пожалала я плечами, – но я думаю, что так должно быть.

– Но откуда ты все это знаешь?

– Я сама не знаю, Яволк, – призналась, – я плохо помню, то, что было до того, как я утонула. Но я точно знаю, что так делают...

Уступчик и рамочки не заняли много времени. Я принесла корзинку с роem, осторожно развязала платок и вытряхнула пчел в улей.

Леток залепила, чтоб не разлетелись и привыкли к новому жилищу. Завтра утром открою.

Сверху бочку накрыла кругляком... не особенно мне крышка нравится. Я же помню, что в улье сверху должна быть подушка пуховая... зачем-то... и холстина...

– Вот и все, – улыбнулась я Яволку, – приходи через два года мед есть.

– Я приду, – невозмутимо кивнул он и, собрав инструменты, ушел по своим делам. Лето же. В деревне работы невпроворот.

Глава 9

А меня ждал кролик. Тот, который уже мясо. Мне нужно было снять с него шкурку, выпотрошить, разделать на куски и приготовить.

Причем так, чтобы можно было хранить без холодильника и хватило бы на три дня, как раз столько мне нужно, чтобы сходить в город на ярмарку. Аништа присмотрит за дедом, но хотя бы поесть я должна ему оставить.

Я положила кролика на стол под навесом... взяла нож... покрутила «одетую» тушку... я прекрасно помню, как разделать кролика на куски. Как обычно, моя странная память не говорит, откуда я это помню. Но вот с чего начинать-то шкуру снимать? Не знаю... и ни малейшей зацепочки.

– Лола! – ко мне во двор вбежала Ретта, – я у тебя Яволка видела. Что он тут делал?

Ну, честно говоря, несколько грубовато прозвучало.

– Борть делал, – рассмеялась я над своими подозрениями. Это же Ретта!

– Борть из бочки? Это Яволк придумал? Он такой умный, да?

– Ну, не дурак, – фыркнула я, – только это я придумала.

– Ты?! – округлила она глаза, – это ты там... ну, в гареме видела?

– Можно сказать и так, – пожала я плечами. Не такую уж плохую легенду не придумала старостиха. Все мои странности, по местным меркам, можно списывать на гарем. А кто знает, что там на самом деле происходит? Никто. Главное, мне самой не проболтаться. Меньше подробностей, больше загадочности.

– Лола, – зашептала Ретта, сверкая глазенками, – а расскажи, как там в гареме?

– Мала еще о таком спрашивать, – усмехнулась я, – ты мне лучше скажи, с кролика умеешь шкуру снимать?

– А чего там уметь-то? – теперь она смеялась надо мной, – нужна веревка и палка крепкая, вот такой длины, – она развела задние лапы кролика в стороны.

Веревку мы использовали ту, которой я хворост связывала, Палку нашли здесь же. Ретта, правда, выбирала ее тщательно и несколько штук забраковала.

Потом она ловко заострила топориком палку с обоих концов и приступила к разделке кролика. Сначала разрежала шкуру на задних лапках, потом коротко полоснув ножом, вдела концы палки в прорези, распиная несчастного кролика на распорке и подвешивая конструкцию на веревке перекинутой за перекладину навеса.

При этом она весело щебетала:

– Лола, скажи, а тебе Яволк нравится?

– Что? Нет! – отмахнулась я... мне от вида висящего вниз головой зайца стало слегка не по себе.

Но Ретта не замечала, что кровь с кролика капает прямо ей под босы ноги, и она наступает на эти пятна... что мухи деловито жужжат вокруг, прилетев на запах свежего мяса... что вдруг резко и противно завоняло смертью... так же как тогда, когда я умирала...

Она легко и быстро, помогая себе ножом, стягивала с кролика шкурку, словно выворачивая на изнанку... как чулок с ноги...

Не прошло и минуты, как на веревке остался висеть голый безухий кролик... а Ретта, ловко вывернув шкурку, натянула ее на рогатину, которую тоже нашла в куче хвороста...

– А мне он нравится, – вздохнула она и протянула мечтательно, одновременно полоснув кролика по животу, – вот бы за него замуж выйти...

– За кого? – у меня перед глазами все слегка расплывалось. Видимо не привыкла я к такому зрелищу...

– Так за Яволка. Я ж через год в возраст войду, уже пора жениха присматривать, – улынулась Ретта и вытерла пот со лба рукавом, оставляя на щеке кровавую полосу. А потом сунула руку в разрез на животе висящей тушки и вытащила сизую грудку кишок.

Тут я уже не выдержала и метнулась к заборчику. Меня стошнило. Еле успела наклониться, чтобы не изгваздаться самой.

– Лола, – удивилась Ретта, – что с тобой?

Она кинулась ко мне, хватаясь грязными руками. От запаха крови закружилась голова, и меня скрутило с новой силой.

Отпустило только тогда, когда в желудке ничего не осталось. Кряхтя и морщась от противного вкуса во рту, я добрела до умывальника, который я повесила у летней кухни, и первым делом смыла кровь.

– Я никогда не видела, как потрошат кролика, – ответила я Ретте, которая все с тем же недоумением в глазах следила за моими передвижениями.

– А! – отмахнулась она, сразу повеселев, – ерунда! Привыкнешь. Я побежала, ты дальше справишься?

Я посмотрела на кролика, лежащего на столе. Ретта ополоснула его, и он больше не был таким страшным. Просто мясо.

– Ретта, я завтра в город, на ярмарку уйду. Меня три дня не будет, деда придется тебе кормить... забери кролика для своих... а то пропадет, – избавилась я от проблемы одним махом. Нет, мясо мне, конечно, хочется. Но не это.

Остаток дня готовилась к ярмарке. Постирала бабкины наряды пропахшие старостихиным духом, не идти же в город в обносках. А вот обуви у меня нет. Придется шагать в этих лаптях. А они и так уже не новые. Как бы не развалились по дороге. Я сделала мысленную зарубку, мне нужна обувь.

Сварила себе несколько клубней паслена. После посадки его осталось с полведра, и я крошила его в супы.

Прибрала у деда, ему-то без меня три дня лежать. Дед сокрушался и говорил, что негоже девице одной в такой далекий путь отправляться. Но я только отмахивалась. Не можем мы ждать, когда староста на ярмарку поедет. Они-то аккурат в тот день, когда меня нашли с ярмарки возвращались. Теперь когда еще поедут снова. А нам нужно спешить... лето скоро кончится. А у меня все еще нет понимания, на что нам дальше жить. Есть задумки, мысли и предположения, но с ними же надо работать, а не ждать, когда все само наладится.

Вторую половину дня занималась заготовкой травы и веников для кроликов. Они же три дня сейчас без меня должны будут прожить. Да и о зиме стоит подумать заранее. Так что подхватив короткую косу-горбушу, отправилась к реке. Дед сказал, а вот все остальные луга поделены и на чужой делянке косить нельзя.

Наш покос начинался сразу за забором и тянулся до межи, обозначенной прозрачным рядком какого-то кустарника. Как и соседский. Но там трава пока не доросла. Это со мной уже Ретта поделилась деревенской мудростью. Она же провела мастер-класс по косьебе... потому что я даже не представляла, что делать с этой странной косой. Она на мой взгляд была какой-то неправильной.

До реки далековато, конечно, тащить-то все на себе придется, но куда деваться.

Первым делом я скосила небольшой лужок на берегу речки, а потом, оставив траву подсыхать на жарком послеполуденном солнце, пошла резать веники.

Веников я заготовила целую кучу. В основном ивовые, возле реки было полным-полно ивы. Немного березовых, осиновых, кленовых и дубовых. Срезала нижние ветки со всех деревьев, которые росли в овраге вдоль ручья с вкусной водой.

Там же и развесила большую часть заготовленных веников. Прямо на сучьях. Пусть сохнут. Потом потихоньку все перетаскаю.

А вот косить оказалось сложнее, чем я думала. Приходилось работать внаклонку и спина уставала нещадно. Моя память выдала очередное откровение из прошлой жизни – косу литовку. Я вспомнила не только сам инструмент, но и как им нужно косить. Шаг, взмах... Шаг, взмах... Разойдись плечо, размахнись рука... Вжих-вжих... Коси коса, пока роса... Вжих-вжих... Роса долой, и мы домой... Вжих-вжих...

Я даже вспомнила утреннюю свежесть, как становится жарко от работы, как вокруг начинают виться злющие оводы, и как прекрасно после косьбы прыгнуть в реку, смывая пот и усталость... и как вкусен потом, после купания, завтрак на траве...

Но сейчас, скосив небольшую полянку я еле разогнулась. И этой штукой придется заготавливать сено для коровы?! Очень сомнительно удовольствие... может быть я просто не взяла у старостихи дедову косу-литовку?

Подвяленную на послеобеденном солнышке траву я, как могла сгрела в валки и оставила сушиться. Вот еще один минус горбуши. Этой косой косят, размахивая из стороны в сторону, трава разлетается куда попало и ее потом приходится собирать по всей лужайке. А литовкой сено само ложится в валки...

Возвращалась я уже вечером, когда солнце скрылось за горизонтом, в воздухе ощутимо поспежело, а сверчки начали настраивать свои скрипки перед ночным концертом, издавая пробные длинные трели.

Приволокла пяток ивовых веников и огромную вязанку травы, часть сунула в кроличьи ясли, часть разложила под навесом в летней кухне сушиться. Веники развесила по периметру ямы, так чтобы зайцы могли достать. Они, кажется, так и сидели под яслями. Но вроде бы возле одного из «окон» появилась кучка земли. Значит пытались рыть нору. И это отлично.

– Лола, – снова завел свою шарманку дед во время ужина, – может не пойдешь... опасно же. Боюсь я за тебя, внученька...

Ужинали мы, как обычно, на его постели. Я рассказывала, как прошел день, что сделала, что задумала сделать. Дед подсказывал, давал советы. Ему эти вечерние посиделки были нужнее, чем мне. Так он чувствовала свою нужность и причастность к делам нашей маленькой семьи.

– Не бойся, дед, – я старательно улыбалась, – все будет хорошо. Я же не ночью, я же днем пойду. А вечером уже в городе буду, где-нибудь в постоялом дворе...

– На постоялом дворе монеты нужны. А я тебе ни медяшки дать не могу. Ни одной нет, – дед расстроено вздохнул, тербя уголок одеяла левой рукой. Он всегда так делал, когда нервничал.

– Ты мне, деда, лучше про деньги расскажи. А то иду корову покупать, а сама о деньгах не знаю ничего, – рассмеялась я. И как я упустила этот момент? Вот так кино было бы! Приперлась девице золото продавать, а ей в руки ракушки суют. И что бы делала тогда?

– Ну, дак, – дед снова вздохнул, – самая мелкая монетка – медянка. За нее можно в таверне перекусить. За две-три – пообедать хорошо. За пять – поужинать и комнату снять на ночь. Сотня медянок – это серебрянка... за корову надо не меньше пяти серебрянок отвалить...

Дед снова вздохнул и замолчал...

А я подумала, что если есть медные и серебряные монеты, то должны быть и золотые...

– Деда, – осторожно спросила я, – а золотые монеты есть?

– Есть... Да только я в жизни своей таких денег в глаза не видел. У нас с бабкой Далией и пяти серебрянок-то в руках не было. Мы-то корову, да всю остальную скотину от родителей получили, как свадьбу сыграли... и дом этот мой отец лично строил. Говорил, что и мне, и моим правнукам хватит...

– И хватит, деда, – улыбнулась я, забирая пустую тарелку и поправляя одеяло, – давай я тебе отвар сон-травы сделаю, чтобы спалось спокойнее... а то опять всю ночь бессонницей мучиться будешь...

– Завари, – вздохнул дед, – а то и ты из-за меня не заснешь...

Дед уже спал, убаюканный отваром смолки клейкой. Еще той, которую я сорвала, когда в деревню от бабки Аги шла... А мне не спалось. В голове кружились тысячи мыслей по поводу предстоящего похода. Мне было страшно... как я дойду, как расторгуюсь, как вернусь... И самое главное, на что хватить денег, вырученных от за мою цепочку. А вдруг это будет так мало, что не хватит даже на курицу, а не только на корову?

Я лежала и в тысячный раз прокручивала в голове огромный список того, что мне нужно купить на ярмарке... И очень короткий – того, что я могу продать...

Рассвет нового дня застал меня в дороге.

Я так и не смогла заснуть, а потому, когда пропели петухи, обозначая полночь, тихо встала, надела бабкин праздничный наряд, прихватила узелок с вареными пасленами и, взглянув на крепко спящего деда, вышла во двор. Зачем ждать? Лучше я пойду потихоньку. А днем остановлюсь и посплю... Все равно, если будет жарко, то идти не получится, у меня ведь даже воду не во что налить.

Добежала до бочки с пчелами, леток открыла, и со двора осторожно вышла...

Деревенские собаки проводили меня, лениво оповестив округу, что бестолковую Лолу куда-то потащило на ночь глядя. Хорошо, что наш дом с краю, и мне не нужно идти через всю деревню. На том конце раздавались смех и тихие звуки пастушьей свирели, деревенская молодежь устраивала посиделки каждый вечер, но я не была там ни разу. Слишком уставала за день. И слишком я там была ни к месту.

Идти было легко. Сверчки вовсю пиликали на своих скрипочках, наполняя воздух звенящими нотами. Где-то в лесу ухала сова, еле слышно, а потому совсем не страшно. Мимо бесшумно пролетали летучие мыши. Ночь сегодня оказалась прохладной, и сначала я даже немного озябла. Но потом потихоньку разошлась и согрелась.

Нога шустро несли меня к городу, а незадействованная голова мгновенно стала отвлекаться от реальности и начинала думать о суровой действительности, в триллионный раз прокручивая огромный список необходимого. И было понятно, мне нужно найти способ заработать деньги прямо сейчас. Это хорошо, конечно, если я корову куплю, но на одном молоке, что бы там дед не говорил, мы зиму можем и не протянуть.

А еще саму корову кормить надо. Сена ей надо три-четыре тонны. Соломы на подстилку, правда, вполовину меньше, но дедово поле, уже который год обрабатывал староста. И, разумеется, исключительно из благих побуждений. Нельзя, чтоб поле пустовало, а то зарастет.

Староста Динай оказался предусмотрительнее своей жадной супруги, и недавно передал через Ванута, что с осени делянка в пять десятин в моем распоряжении. А за пользование моих земель они отдадут десятую часть урожая, как всегда. Цена была честная, это меня Ванут просветил. Староста не жадничал, и после смерти моей бабки плата доставалась Аниште.

Еще он сказал, что если я решу не пахать сама, то он снова возьмет его в аренду на тех же условиях. Ответ я пока не дала. Успею еще, а пока посмотрим, что будет дальше.

Глава 10

К обеду солнце стало припекать, ноги гудеть, желудок ворчать, а глаза закрываться. Я сошла с дороги и, отыскав укромную полянку, сжевала всухомятку клубень паслена. Уже очень хотелось пить, но пока никакой ручеек не попадался. Прикорнула под кустом и попыталась заснуть.

Проворочалась я практически все время, которое отвела себе на отдых. И, когда уже собиралась встать, нечаянно заснула. А ведь прикрыла глаза-то всего на секунду!

Вскочила уже далеко за полдень с головной болью и тошнотой. Наверное, обезвоживание сказывается. Проспала я часа четыре не меньше, тень давно ушла и я лежала на самом солнцепеке.

Вот так кино! Выругалась про себя. Проспала все на свете, а ведь мне надо до вечера до города добраться! Не ночевать же в лесу!

Вскочила и как можно быстрее зашагала по дороге. И чертыхалась про себя, вот же пакость какая! По дороге явно ехали люди и соседних деревень. Свежие кучки, попадающиеся по дороге, явно принадлежали лошадям, проехавшим пару часов назад. Не проспала бы все на свете, может подвезли бы до города...

К стенам города я добралась уже после захода солнца. Дед говорил, что обязательно нужно попасть в город до заката, потому что иначе ворота закроют и придется ночевать за стенами. А это небезопасно. Но я умудрилась не успеть...

Радовало, что таких разинь, как я, оказалось довольно много. И то тут, то там горели костры, вокруг которых на бревнышках сидели люди, негромко переговариваясь, и перекусывавая прихваченными из дома запасами. А кто-то помешивал к котелке варево, распространяя аромат пшенной каши с салом на всю поляну... Рядом с некоторыми кострами стояли лошади и повозки.

Ночевать одной было страшно. Да и огонь у нас в деревне добывали примитивным способом, высекая искры от ударов камнем об железное кресало. Я эту тяжелую науку не освоила, поэтому за углями всегда ходила к соседям. А отобранное у старостиhi огниво так и висело на кухне.

Огниво – это мешочек кожаный, в котором лежали кремень – небольшой, но очень твердый камень, кованное кресало, по виду напоминавшее мне почему-то сладкую булку, и трут – кусочек высушенного гриба трутовика.

Я осторожно прошла вглубь полянки и подседа с краешку к костру, где явно собралась незнакомая друг другу компания. Слишком явно они кучковались. И молчали.

Мне страшно хотелось пить. По дороге я таки набрела на речку и напилась воды из прибрежного ручейка. Но это было уже так давно, и в горле опять пересохло. Измученный жаждой мой желудок молчал, и я не стала даже доставать свой ужин. Узелок положила рядом с собой.

Я уже почти задремала, убаюканным негромким шепотом молодой парочки. Как вдруг почувствовала, как кто-то медленно тянет руку, чтоб схватить мое имущество. И пусть это всего лишь два паслена, но ведь это мои два паслена! И я так же медленно и незаметно слегка подвинула руку, чтобы удобнее было поймать воришку на месте преступления. И мне это удалось. В тот самый миг, когда он схватился за узелок, я схватила его за руку. И уже набрала воздуха в грудь, чтобы заорать, как мальчишка резко дернул руку и, оставив у меня в руках клок рубахи, сбежал.

– Вор! Держите вора! – орала я, тряся лоскутом.

Я бы сам за ним побежала, но он как сквозь землю провалился. Исчез.

Раздосадованная неудачей я уселась на место. И тут случилось странное... к нашему костру стали подходить люди. Они бросали свои насиженные места и кучковались рядом, дружно перетаскивая бревнышки, на которых сидели.

– Тебя как звать-то, удачница?

Пожилый уже мужик крестьянской наружности подошел ко мне первым. Он прикатил к нашему костру на большой крытой повозке всю свою семью и деловито расположился прямо за моей спиной.

– Лола, – прошептала я сухим ртом.

– Ну, что ж, Лола, если ты не против, то мы примкнем к твоей удаче? – спросил он. И смотрел на меня так, словно я должна была поделиться с ним чем-то важным. – Обещаю, зла не учиним, внучки у меня в возке, боюсь я за них. Колесо по дороге менять пришлось, не успели за стенами спрятаться...

Я неопределенно пожала плечами. Чего он от меня хочет-то? А мужик расстроено вздохнул и что-то шепнул своей жене, маячившей рядом. Она сокрушенно покачала головой и полезла обратно в возок.

Ничего не понимаю. Как будто бы я их обидела чем.

А мужик присел рядом, глядя на огонь... помолчал немного, а потом так же, не говоря ни слова протянул мне деревянную бутылку с водой. Заметил наверное, с какой завистью я смотрю на присоединившуюся к нам компанию молодых людей. Они передавала друг другу большую баклагу, отхлебывая оттуда по глотку. Скорее всего это было что-то горячительное, потому что их беседа становилась все громче, а глаза в свете костра блестели чуть ярче.

Я хотела было отказаться от протянутой деревянной посуды, но сосед настойчиво вложил ее мне в руки. Там была вода. Простая, теплая вода. Но, кажется, я ничего вкуснее не пила. Еле смогла остановиться, сделав несколько глотков. Напиться не напилась, но хотя бы горло промочила. Надо будет завтра первым делом купить себе такую же баклажку...

– Лола, – молодая пара, притиснутая ко мне с другого бока множеством народа, собравшимся у нашего костра, тоже решила со мной познакомиться, – а нам позволишь примкнуть к твоей удаче? Веска вышивает мало-мало, – парень кивнул на подругу, – хотим попробовать работу ее в лавку сдать... очень нам удача нужна...

Я шла целый день. Меня терзали голод и больше всего жажда. У меня страшно болела голова. Я устала и измучилась... И что они все ко мне прицепились-то? К удаче хотят они примкнуть. Мне бы самой удача не помешала.

В общем, отмолчалась я... А парень повздыхал-повздыхал, да отвернулся и оставил меня в покое.

А я смотрел на огонь. Костерок в центре нашего круга был небольшой, его развели скорее для уюта, чем для каких-либо других целей. Пламя медленно пожирало толстые обрубки бревен, изредка потрескивая и шипя. Интересно как... Вряд ли их сюда опоздавшие приволокли. Значит это город вот так своеобразно заботится о людях, оставшихся за стеной.

– Лола, – ко мне обратилась девушка... как ее там... Веска, – а ты, случаем, не с Выселок?

Отвечать мне не хотелось. Но я все же кивнула.

– О! – она округлила глаза и рот. А я с неудовольствием подумала, что, кажется, о моем гаремном прошлом, знают не только в нашей деревне, но и по всей округе. Вот же пакость! Я уж приготовилась дать отпор, но Веска только улыбнулась, – так ты ж не знаешь, наверное, про удачу. Когда ты пришла к костру, твои вещи хотели украсть ночные таланги. Эти воры так незаметны, что поймать их может только человек, которому Небо подарило удачу. Поэтому люди к тебе ближе и подбираются, до следующего заката ночные таланги тебя десятой дорогой обходить будут... А если кому ты позволишь к удаче своей примкнуть, с теми даром Неба и поделишься... им тоже толика твоего везения перепадет... Вот Горон и решил попросить...

Она опустила глаза и замолчала. Я не отвечала перебарывая услышанное. Если отбросить суеверную мишуру, то получается, воры меня теперь сутки трогать не будут? Интересно, а карманники там разные на ярмарке относятся к этим ночным талангам?

Горон словно услышал мои вопросы и ответил:

– Тебе теперь и на ярмарке завтра без страха можно будет ходить. И ни один вор тебя не тронет, и самый ушлый купец поостережется обманывать. Никто против удачи твоей не пойдет. Оно ж, сама понимаешь, что одному удача, то другому провал.

Ну, как бы, да... логично. Мне повезло, а талангу, что мои паслены украсть собрался – нет.

А пожилой семейный крестьянин с другой стороны добавил:

– Ты к своей удаче других пускать не бойся. И с тебя не убудет, и людям достанется. Дар Неба – колодец бездонный, чем больше воду черпаешь, тем быстрее наполняется. Но и всем подряд не раздавай. А то обесценится дар-то...

– Я поняла, – вздохнула я и кивнула, – тогда примыкайте. И вы, – посмотрела на мужика, – и вы, – улыбнулась Веске с Гороном.

– Вот спасибо, – хлопнул по коленям глава семейства, – а-то тесно-то деткам в возке. Марынка, выпускай детей! – негромко сказал он, – удача с нами...

Из возка, как горох посыпались ребятишки мал-мала меньше. Пять голов и все девки.

– Дочка моя померла родами, – вздохнул он, – а зять отказался от девок-то... зачем мне говорит обуза такая. Двух сыновей оставил, а девок... вот и решили мы бабкой забрать. Мы сами-то под Алирой живем. Еще аккурат день ехать, мы на скорость-то с бабкой потратились еще перед отъездом... а теперь да с удачей хорошо доедем. Ты, Лола, коль в столице когда будешь, заезжай к нам в Горинку, завсегда тебе рады будем... дед Викуна добра не забывает.

Девчонки облепили деда, как маленькие котятка. И так же быстро заснули под защитой моей удачи.

Мы, чтобы не разбудить детей тоже молчали. Я смотрела на огонь, на людей вокруг меня, и сама не заметила, как провалилась в сон, притулившись боком к Веске.

Утром меня разбудила Веска:

– Лола, вставай, – шептала она, – вставай, скоро рассвет, ворота вот-вот откроют.

Я открыла глаза... все вокруг уже проснулись и суетились, собираясь у пока еще запертых ворот. Мой пожилой сосед погрузил девчонок в повозку и теперь покрикивал на хихикающих ребятишек, веля сидеть тихо.

– Удача-удачей, Лола, – улыбнулся он мне и пожелал доброго утра, – а осторожность никогда лишней не будет. Не дай Небо, безмирник попадетя...

– Ты чего, дурень старый, беду кличешь! – охнула его супруга, тихо и незаметно просидевшая рядом весь вечер, и шлепнула мужа по плечу, – Спаси Небо от такой напасти!

А тот вздохнул виновато и покачал головой, мол, прости, не знаю, что на меня нашло.

И любопытно мне стало до жути, что за безмирники такие, о которых даже упоминать не следует?

Семейство укатило поближе к воротам, но Веска с Гороном все еще сидели у пегого от золы костровища и о чем-то негромко переговаривались. У них я и спросила, присев рядом и жуя клубень паслена.

– Веска, а кто такие безмирники?

– Небо! – охнула Веска, а Горон возмущенно посмотрел на меня, – нашла о ком вспомнить! Да еще с утра раннего! От чудовищ этих и удача твоя не поможет!

– Чудовищ? – переспросила я, а воображение моментально нарисовало монстров с когтями, горящими, как огонь глазами, и зубами, которые во рту не помещаются...

– Ну, так говорят, – отмахнулась Веска, – я сама, хвала Небу, с безмирниками не встречалась. Но говорят, – она понизила голос и зашептала, слегка склонившись к моему уху, –

они одним касанием человека убить могут. А если посмотрит он на тебя, то и в душу влезть сможет, и огнем колдовским изнутри сжечь. Но самое страшное, если голос безмирника услышишь. Говорит-то он не по человечески, а особенным колдовским языком изъясняется и самое страшное колдовство словами творит.

– Кошмар какой, – прошептала я, чувствуя, как похолодела спина... да, чтоб я еще раз одна через леса и поля в город потащилась! Да лучше на одних грибах сидеть, чем безмирнику попасться, – а как спастись от него, Веска?

– Никак, – пожала плечами она, довольная произведенным эффектом, – но ты не бойся, Лола, – хихикнула Веска, – последнего безмирника в наших краях лет пять назад убили...

– Фу-у, – я рассмеялась, – хорошо, что ты мне утром все это рассказала, ночью я бы после такого и уснуть не смогла. Пойдем к воротам?

– Не-е, – протянул Горон, – там сейчас не протолкнуться будет. Подождем немного, да зайдем спокойно... купцы все равно в лавке целый день сидят, успеем...

Мы снова уселись на бревнышки у погасшего еще ночью костра. Ветерок лениво скручивал крошечные смерчки из пепла... странно, никогда раньше такого не видела...

Глава 11

От нечего делать принялась рассматривать Веску с Гороном. Вчера ночью, они оба показались мне одинаково белесыми блондинами, но сейчас я видела, что они совсем разные. У Вески и волосы, и кожа едва заметно сияли мягким серебром, а у Горона белым золотом... и от этого они оба казались какими-то необыкновенно прекрасными. Хотя во всем остальном их внешность была вполне заурядной. Не красавцы, но вполне милостивые лица.

– Лола, – Веска не умела долго молчать, – хочешь я тебе вышивку свою покажу? Я всю зиму эту тесьму вышивала. Только ты честно скажи мне, хороша или нет, ладно? Ты же, наверное, в гареме работы настоящих мастеров видела. – Я даже не успела открыть рот, чтобы сказать, что в вышивке я совсем ничего не понимаю, как она развязала заплечный мешок и вытащила на свет узкие полоски ткани с незамысловатым орнаментом...

И опять мне достаточно было посмотреть один раз, чтобы понять, я тоже так умею... а может даже лучше, потому что вижу небольшие огрехи... вот тут крестик скособоченный, а здесь Веска стежки неправильно положила, а сердечки у цветов, в виде мелких французиков (*французские узелки), недостаточно плотно затянуты...

– Ну, как? – Веска с волнением ожидала моей оценки...

– Кхм, – прокашлялась я, – неплохо... думаю, у тебя получится заработать...

– И-и-и! – радостно заверещала она и повисла на моей шее, – спасибо, Лола... меня тетка моя учила, мастера из нее не вышло, но он так до сих пор в гильдии состоит, как подмастерье...

Веска вывалила на меня очередную порцию знаний о мире. Я за неделю жизни в деревне столько не узнала, как за эти несколько часов под стенами городка... То ли дед сам ничего не знал, а с другими я толком и не общалась, то ли мне самой ничего другое, кроме добычи пропитания, было неинтересно.

И только сейчас я поняла, как много мне неизвестно о том мире, в котором я сейчас живу...

– Веска, Горон, я могу пойти к купцу с вами? Я тоже немного умею вышивать, может быть я договорюсь, и он будет покупать и мою тесьму тоже?

Я ведь думала о том, что мне нужно заработать деньги здесь и сейчас? Так почему бы не иголкой, раз уж и это я умею...

Городок за крепостными стенами оказался совсем небольшим. Ярмарка начиналась практически сразу за центральными воротами, в которые мы и вошли с Веской и Гороном. Поначалу я даже растерялась, мне казалось, что для торговли будет отведена площадь, или какое-то отдельное место, но сегодня торговали, казалось, на всех узких улочках городка.

Товар был выложен приехавших телегах, на прилавках под навесами из грубого льна, на подоконниках домов, которые нарочно была расположены ниже, чем обычно, на наскоро сколоченных столах и скамейках, на необтесанных чурбаках, а иногда и просто на земле.

И продавали здесь все, что только можно было себе представить, начиная от булавки и пирожков с мясом и заканчивая срубками и живыми животными. И все это стояло вперемешку, без соблюдения какого-либо товарного соседства. И каждый продавец орал во все горло, созывая людей к себе. А еще сразу в нескольких местах играли на визжащих дудках разные мелодии одновременно...

Народу между рядами было довольно много, женщины деловито снимали пробу с сыров и колбас, трясли в руках одежды, разворачивая и прикладывая к несчастным чадам. Мужики довольно цокали языком, оценивая кинжалы, ножи, лопаты и топоры...

Дети, сбежавшие от матерей, стайками носились между рядами, смеясь и расталкивая прохожих.

– Лола, – Веска схватила мне за рукав, – вот ты где?! А мы с Гороном тебя потеряли! Не отставай, пошли!

Да, я и правда, стояла открыв рот от удивления, как какая-то деревенщина...

Лавка оказалась в другом конце городка, почти у самых западных ворот. Неказистый двухэтажный домик из потемневшего от времени дерева с черепичной крышей, на которой пятнами разных оттенков выделялись заплатки. Старая, но толстая дверь, открывшаяся неожиданно легко и без скрипа. Мы шагнули в темную прохладу швейной лавки господина Лероя. Он был дальним родственником соседки, той самой, что учила Веску азам вышивания. И он обещал купить ее работы, когда приезжал прошлой осенью к ним в деревню. Всю зиму Веска работала не покладая рук...

Когда глаза привыкли к темноте, я огляделась. Здесь оказалось неожиданно уютно. Вдоль стен расположились витрины с мотками тесьмы и кружева, клубками ниток, подушечками с иглками, огромными портновскими ножницами и другой мелочевкой. А прямо напротив двери стоял огромный стол, на котором были навалены рулоны разной ткани. В лавке пахло польнью и почему-то жженным сахаром.

Купец, невысокий, едва мне до плеча, и толстенький, походил на квадратную игольницу, у которой по недоразумению выросла голова. Широкая окладистая борода-лопата, которую он оглаживал несоразмерно крупной ладонью, придавала ему еще более смешной вид.

Он смотрела на нас, как на тараканов... или моль, напавшую на любимую шубу. А Веска, бойкая и смелая за дверью лавки вдруг сникла и стянула голову в плечи, стараясь стать незаметнее.

– Господин Лерой, – лепетала она еле слышно, – я вам вышивку принесла... вы обещали посмотреть...

– Гильдейская? – купец равнодушно зевнул, широко открывая рот, которого до этого скрывался в его бороде.

– Нет, господин Лерой, – Веска сникла, – но вы же обещали посмотреть... Когда к тетке Солне приезжали? Помните?

Купец царственно кивнул и подошел к столу:

– Показывай...

Веска с облегчением выдохнула и вывалила вышивку на стол... Как, интересно, купец собрался оценивать работу, если в лавке темно? Все оказалось очень просто... если есть горячий камень, то почему бы не быть светящемуся? Купец щелкнул пальцами и небольшой круглый камень на столе вспыхнул белым светом. Пока он перебирал Вескину тесьму, я прошлась по витринам, пользуясь тем, что в лавке стало значительно светлее.

Вышивки здесь было много. На любой вкус и кошелек. Начиная от узкой, не шире пальца тесьмы, которую и принесла Веска, заканчивая большими полотнами вышитыми картинами. Кажется, я увлекалась вышивкой в прошлой жизни... по-крайней мере, ручки у меня зачесались, словно соскучились по иглке...

И я подошла к стеллажу с нитками для вышивки. Она лежала непривычно большими пасмами и, кажется, продавалась метражом... ну, или что тут вместо метра... ох, голова моя дырявая. Ощущение, что я вспоминаю прошлое хаотичными кусочками. И до личных воспоминаний пока не добралась.

– По медянке за шесть аршин (*аршин=0,71м) заберу, – купец закончил ковыряться в Вескиной тесьме.

– По медянке за шесть? – расстроено ахнула Веска и, глотая слезы, сказала: – да мне материал почти столько же обошелся...

Господин Лерой пожал плечами и выключил камень, погружая лавку во тьму. Рачительный хозяин...

– Так вы же по медянке за два аршина точно такую тесьму у остальных берете, – не выдержал Горон и выступил вперед, пряча за спиной плачущую Веску.

– У гильдейских беру, – пожал плечами купец, – только жена ваша не из гильдии...

– По медянке за три аршина, – вмешалась я, – или мы идем в другую лавку.

Купец взглянул на меня, оглаживая бороду, скрывавшую все лицо, но я заметила, как в его глазах загорелся огонек азарта... вот оно что! Заскучал бедолага в своей лавочке, и решил за наш счет развлечься.

– Девица не гильдейская, – прогудел он якобы недовольно, – возьми у нее, потом даже претензии предъявить некому будет, ежели жалобы на качество пойдут... по медянке за пять с половиной...

– А вы смотрите внимательнее, когда принимаете, господин Лерой, – улыбнулась я как можно шире, – или у вас опыта не хватает вышивку оценить? Тогда мы тем более пойдём в другую лавку... по две... две с половиной за шесть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.